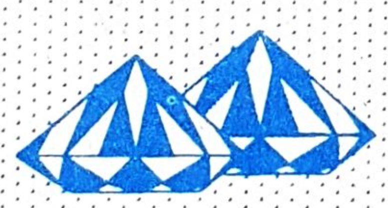
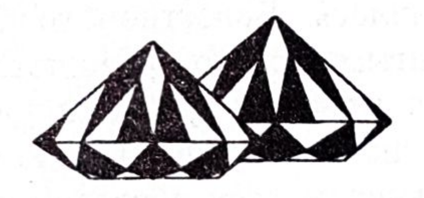
Николай Козлов

История двух бриллиантов

Николай Козлов

ИСТОРИЯ ДВУХ БРИЛЛИАНТОВ

2001 г.

Глава 1

Живописные здесь места. А гамская гора! Ей нет равных. Особенно прекрасна она, если смотреть с поднимающегося вверх по Вычегде парохода. Великолепная церковь с ажурными заборами. Огромная колокольня, большой колокол которой, говорят, весит более 300 пудов. Рядом с ней двухэтажная школа, выкрашенная в зеленый цвет. Среди пышных черемух и рябин приютились добротные крестьянские дома.

Ниже гамской горы великолепные пойменные луга – зависть всех жителей нижней Вычегды. Здесь заготавливают столько первосортного сена, что хватает всем гамичам. Недаром гамские лошади и коровы отличаются не только телом, но и уживчивым характером. Это от сытой жизни.

Гамская гора ниже по Вычегде огибает свой хребет к югу и соединяется с Жешартской горой.

А леса здесь отменные: до вершин сосен и елок едва доберешься глазом. В березовых же рощах столько грибов, что в Гаме нет человека, который бы не засолил на зиму две солидные бочки грибов. Сушеные же грибы здесь измеряют пудами ...

Но что такое? Сегодня что-то очень много людей внутри церковной ограды. Наверно, не менее тысячи. Чинно беседуют мужики и бабы. Ребятишки снуют вдоль ограды. Кое-где слышны и зычные голоса: о чем-то спорят, что-то доказывают друг другу.

Скоро все прояснилось. Волостной голова Сухарев объявил, что общий сход считает открытым и слово предоставляет священнику Торкову. Все притихли. Гамский поп, молодой, красивый, начал свою речь:

- Прихожане! Такого собрания в мою бытность еще не было. Я очень рад, что пришли сюда со всех деревень нашей волости, да многие явились из Арабача ... А предстоит нам решить очень важный вопрос: мы накануне 20-го века. А в такое время каждый ждет каких-то перемен. Даже прошел слух, что произойдет "конец света". Об этом я должен сказать следующее. Такие слухи бродят повсеместно. Поэтому святейший Синод уведомил нас, что "конца света" не предвидится. Это истинно, а вот другие слухи – это суеверие.

В то же время многие прихожане пожелали послать своего представителя, чтобы отслужить молебны в Киево-Печерской лавре или же в Соловецком монастыре. Мы это приветствуем. Была выбрана комиссия, которая собирала деньги на расходы паломника в святые места и для монастыря. Мы решили послать все-таки в Соловецкий монастырь: это ближе и доступнее. Это всего 900 верст до Архангельска, а до Киева более 2-х тысяч. Нам удалось собрать 1299 рублей. Из них 99 рублей мы дадим

нашему посланнику на дорожные расходы, а 1200 рублей передадим Монастырю, чтобы отслужить молебны за здравие гамичей и упокой души наших предков.

Желающих поехать в Соловки было несколько, наша комиссия выбрала Туркину Марию Александровну. Отец ее, наш уважаемый Александр Павлович, дал на это согласие.

Давайте же мы сегодня это решение комиссии узаконим, проведем голосование, чтобы все было по закону.

Начались дебаты. На сходке были и другие мнения, но большинство прихожан утвердило решение комиссии. Особенно зычные голоса раздавались в одной кучке мужиков и баб, где собрались прихожане из деревни Кадзес. Это были соседи Маши Туркиной. Средь них громогласные голоса раздавались из группы мужчин по прозвищу "Пулевы". Они всегда держались обособленно, но сегодня к ним примкнул и Василий Дулашев, по прозвищу "Родев".

Здесь надо сделать небольшое отступление. В "Кучку Пулевых" относились 6 хозяйств. Их дома были рядом – в одной "куче", и они не желали строиться в другом месте. В деревне все строились в ряд, а они – в одной "куче". Неудобство было в том, что у них вокруг домов не было огородных участков, и все посадки они проводили в стороне от дома. Но они с этим мирились. Жили они беднее, чем остальные. Правда, не голодали: были у них коровы, лошади, овцы, свиньи, но земли было мало, как и у всех. Однако остальные поднимали целину, а "Пулевы" этим трудоемким делом не занимались. "Пулевы" женихов и невест выбирали из других деревень, потому что из деревни Кадзес невесты к ним идти не желали.

Примкнувший же к ним сегодня Василий Дулашев ("Родев") был мужиком оригинальным. Он всю жизнь ходил только в белых холщевых рубашке и штанах. Правда, были у него и суконные брюки, но он их надевал на свадьбе, да еще 4-5 раз в жизни в самые торжественные дни.

В целом в Гаме у крестьян были крепкие хозяйства. Нищих почти не было. Например, в нашей деревне Кадзес в небольшой избушке жила одна вдовушка, и она просила подаяния. А просила она так. Заходит к нам и говорит матери:

- Маша, ты сегодня дай мне кринку сметаны, бидон молока, рису (пшено у меня еще есть) да не забудь бутылочку водки. Скоро ведь праздники ...

Мать исполняла все ее просьбы, а нам поясняла, что соседи поступают так же, никто ей не отказывает. Других нищих в нашей волости не было, а из других волостей нищих было много.

Глава 2

Так Маша Туркина (это моя будущая мать) стала паломником по святым местам. Отец ее тщательно подготовил в дальнюю дорогу, учитывая, что ей тогда было всего 17 лет. Все деньги (1200 рублей) зашили в лифчик. Оформили нужные документы. Приготовили в дорогу продукты питания (масло, сахар, сухое мясо, сухари и другие деликатесы). И июньским утром всей деревней проводили на пристань. Пароходы тогда ходили до Котласа, а оттуда – до Архангельска.

День выдался отменным. Солнце палило. На небе ни тучки. Людей на пристани собралось видимо-невидимо. Все что-то говорили, а некоторые кричали. Пароход пришел точно по расписанию. Маша с парохода долго махала платком своим родным и односельчанам.

Купила плацкартный билет. Рядом с ней оказалась старушка, которая тоже ехала на богомолье в Соловки. Разговорились. Звали ее тоже Марией. Ей уже 84 года, но она не побоялась пуститься в такую даль.

Ехали они до Архангельска почти неделю. В Котласе была пересадка, но они приобрели билеты снова рядом. За долгую дорогу две женщины подружились, хотя разница в их возрасте была почти 70 лет. Маша снабжала свою товарку кипятком или овощами, молоком, творогом, что покупала на пристанях. Она же рассказала о своем большом семействе и о жизни в Гаме. А теперь я приведу рассказ другой богомолки:

- Зовут меня Марией Петровной Коданевой, фамилия отца Дюбуа. Живу я в деревне Слобода, что в 15 верстах от Усть-Сысольска. Моя мать многие годы жила в городе, работала горничной у Усть-Сысольских купцов. Была молоденькой девушкой, когда в город пригнали пленных французских солдат после Отечественной войны 1812 года. С одним из них, которого звали Пьер Дюбуа, и познакомилась моя мать. От них я и родилась. По крови я наполовину зырянка, наполовину француженка. Мои родители очень любили друг друга, но пришлось им разойтись, потому что всех пленных обратно отправили во Францию. Моя же мать не решилась поехать на родину Дюбуа, хотя он звал ее. Отец меня, говорят, называл Марго, потому и в деревне все звали меня таким именем. Жили мы в деревне хорошо: отчим был работящим. Школы у нас не было, но меня выучила грамоте моя мать. Поехала же я в святые места по просьбе матери. Хотя ее уже нет в живых, но я поклялась матери, что помолюсь за нее в Соловках. Хотела съездить раньше, но все было недосуг. Вот в этом году собралась ...

Прибыли они в Архангельск ранним утром. На извозчике добрались до монастырской избы, где останавливались все богомольцы. За рубль им в доме дали приют и бесплатное питание.

Скоро прибыл и морской пароход, который отвез их в Соловки. Две Марии были везде и всегда вместе, как две сестры. Перед их глазами открылись изумительные строения: крепостные стены, многочисленные церкви, братские корпуса и другие строения. Все это великолепие изумило богомольцев.

Маша Туркина в первую очередь сдала в кассу монастыря все деньги (1200 рублей) и все списки с заказами, за кого из гамичей монастырь должен отслужить молебны. За упокой и за здравие. Ей дали справки и квитанции, что все деньги она передала. Ей же сказали, в каких церквях будут отслужены молебны за прихожан Гамской волости. И две Марии целую неделю присутствовали на этих молебнах, и сами молились за своих родичей. Службы шли торжественно, а певчие изумляли посетителей красотой голосов и слаженностью хора.

Наши Марии побывали почти во всех церквях и очень довольные собрались выезжать из этого гостеприимного святого места. Их предупредили, что завтра будет отходить пароход в такое-то время.

Последний день в Соловках. С утра встали пораньше, чтобы побывать еще в двух церквях на утреннем богослужении. После полудня они были уже в порту. Сели на пароход. Если сюда они добрались спокойно, без всякой качки, то теперь погода изменилась. Только что отошли от причала, откуда-то налетел шквал, судно вздрогнуло и начало судорожно качаться. Качка усиливалась. Пассажиры начали креститься и молиться. Откуда-то появились монахи, и начали говорить, что Бог разгневался на странников, наверно, не все деньги, которые были предусмотрены на богослужение, оставили в монастыре. Начали спрашивать отъезжающих, не погрешил ли кто. Нашлись двое, которые присвоили посланные с ними деньги. Они отдали все присвоенные суммы. Их же решили еще и наказать. Одного из них завязали веревками и три раза окунули в морской воде. Другой же взмолился и попросил наказать его иначе. Ему предложили после приезда на место заказать в церкви несколько богослужений и назначили 30-дневный пост.

А Мария Петровна вся обмякла. Ее замучила морская болезнь. До того ее начало рвать, что посинела. Маша Туркина нашла на судне фельдшера и привела его к больной. Он дал какой-то напиток. Больной стало немного лучше, но вставать не могла.

Скоро показался и Архангельск. Маша попросила помочь одну богомолку, и с ней она сумела спустить больную с корабля. Добрались до монастырской гостиницы. Как ни старалась Маша, но больная чувствовала себя хуже и хуже. Однажды ночью Мария Петровна подозвала товарку и начала говорить шепотом:

- Видно мне суждено успокоиться в чужой стороне. Слушай же, Маша, ты стала для меня родной дочерью. И родная бы дочурка так не

ухаживала за больной, за это я тебя награжу... Я ведь тебе не все сказала о себе. Мой отец – француз Дюбуа, когда они грабили Москву, нашел в одном доме два бриллианта. Их он сохранил, а когда стал уезжать, отдал моей матери для меня. Он так и сказал: "Моей Марго от папы". Они всегда со мной. Как-то прожили безбедно, и они не понадобились, а теперь я их отдаю тебе. Безвозмездно. Лишь похорони меня по-христиански, молись почаще обо мне, а, может, когда-нибудь еще раз приедешь в этот город и посетишь мое вечное убежище. Вот на шее они висят, в мешочке, возьми. Куда ты их потратишь, это твое дело, но расходуй только на богоугодные дела. А моим родственникам сообщи, что и как со мной случилось. Сообщи тоже, где моя могила. Об этих же драгоценных камнях никто, кроме матери, ничего не знает, а мать моя давно уже в могиле. Прощай ...

Так и умерла старая коми-француженка, у которой, может, и были какие-то мелкие грешки, но которая старалась жить безгрешно и даже свое огромное богатство оставила в целости и сохранности.

Маша Туркина так и поступила, как завещала ей Мария Петровна. Все исполнила. Похоронила очень хорошо. Заказала молебен и соблюла все традиции. Сообщила все ее родным.

Приехав домой, она отчиталась перед церковью, сдала туда все справки и квитанции. После этого подошла к отцу и рассказала о драгоценных камнях. Александр Павлович, посмотрев на алмазы, сказал:

- Это огромное богатство. С помощью их я бы мог стать очень богатым купцом. Но я не хочу брать грех на душу. Они будут твоими, дочурка. Будем хранить их в тайнике. Но об этом нельзя говорить никому, ни матери, ни будущему мужу. Тайник будет в амбаре, где хранятся товары, а как только ты выйдешь замуж, перенесешь в тайник своего дома. Это будут твои телохранители. По пустякам тратить нельзя, а использовать только тогда, когда попадешь в беду. Так и решили.

Бриллианты 8 лет хранились в амбаре Александра Павловича, а в 1907 году, когда Маша вернулась из Тулы с мужем и дочкой, отец Маши соорудил тайник в ее доме. Я же узнал об этих бриллиантах лишь в 1960 году, т.е. в год смерти матери, но об этом будет сказано позднее.

Глава 3

Я не буду описывать биографию моей матери, кратко лишь скажу, что в 1903 году она вышла замуж за И.И. Козлова. Через год ее мужа призвали в армию. Он служил в Туле. Мария Александровна решила поехать за мужем и зимой 1904 года поехала к нему. Конечно, первые 240 верст до Котласа она не ехала, а шла пешком, лишь в Котласе села на поезд. В Туле она устроилась на работу прачкой в том же полку, где служил отец. Позднее начала работать у военного инженера горничной и поварихой. У нее там родилась дочка, которую временно отдали в крестьянскую семью. В 1907 году, взяв дочку, они возвратились в Гам. Зажили хорошо. Родились еще трое детей. В 1914 году началась первая мировая война. Ивана Ивановича сразу же призвали в армию. У матери же пятеро малолетних детей (я родился уже после ухода отца на фронт), из них самой старшей 9 лет.

Конечно, трудно было, и Мария Александровна не раз думала о бриллиантах, но ее отец всегда говорил, что камни трогать нельзя и что они пропадут бесследно: в такое время их продать невозможно. Он обещал помогать дочери и помогал, когда ей было очень трудно. Поэтому мы не голодали: дедушка не забывал нас.

После войны и Октябрьской революции в 1918 году магазин дедушки конфисковали. Может, с горя, может, по причине того, что два сына дедушки погибли (один в годы мировой войны, другой был в Красной Армии), Александр Павлович перенес инсульт. Его парализовало, а в 1925 году он умер. Горе было большое. Дед был не только умнейшим, но и добрейшим человеком. Мы, в полном смысле этого слова, осиротели.

До 1929 года, т.е. до коллективизации, мы жили хорошо. Мои братья и сестры подросли, и они в полную силу помогали крепить личное крестьянское хозяйство. У нас было две коровы, две лошади; за год выращивали до 5-6 свиней и держали до 20 овец. Еды нам хватало. О коллективизации уже много написано, я вспомню лишь вскользь. В нашем колхозе что-то давали на трудодни лишь в первые 2-3 года. Потом председателем колхоза у нас стал злополучный 2 5-тысячник, который не мог отличить ржаного колоса от ячменного. За три года он разорил колхоз и куда-то уехал. На трудодни мы получали лишь “палки”. Колхозников принудительно гнали не только на колхозные работы, но и на лесоповал. В лесу же платили колхозникам по сравнению “с постоянным кадром” лишь треть зарплаты. Колхозникам паспортов не давали, чтобы они не бежали из колхозов, хотя правдами и неправдами колхозники бежали из деревень ... В целом колхозы довели крестьянина, как выражаются, до ручки, если же иначе выразиться, то до голода. Вместо хлеба у нас колхозники ели солому ...

Это я немного отвлекся: не могу равнодушно писать об этом периоде жизни крестьянства. А все газеты и радио тогда несусветно врали о каком-то светлом будущем – о коммунизме. Я считаю, что этот период жизни в России был самым мрачным рабством. Иначе сказать нельзя.

В 1941 году я с матерью поехал в Ленинград. Я ехал на учебу. В Ленинграде жил мой брат, и Мария Александровна хотела с ним встретиться. Но началась война, и она очутилась в блокадном городе. К счастью, через год она сумела оттуда эвакуироваться.

В 1947 году, когда уже отгремели годы войны, я спросил свою мать, не согласится ли она поехать со мной жить. Я тогда работал в Кослане директором средней школы. Она согласилась. Отец же сказал так: там ей будет сытнее. Я как-нибудь себя обеспечу. Старикам в деревне теперь жить очень трудно.

И вот мы на Удоре. Я жил прямо в школе, занимал одну классную комнату: конечно, было тесновато, потому что в одной комнате жили до 8 человек, но, как говорят, в тесноте да не в обиде. В начале 1951 года меня перевели в Сыктывкар. Стал работать в Минпросе.

Наступил злополучный 1960-й... Почему злополучный? Ответ на этот вопрос будет дан в моем рассказе. В январе мне мать сказала, что в этом году она умрет. Я не обратил внимание на ее слова: думал, что она шутит. Но потом стал внимательно присматриваться к ней. В начале года мы всегда договаривались с ней и о летнем отпуске. В этом году решили поехать в Белоруссию к брату Саше. Туда же приедет и брат Миша из Литвы. Мать ответила мне так:

- До лета мне надо побывать в Башкирии у сестер, в Вологодской области у сына и на Украине. Хочу помолиться в Киево-Печерской лавре. Надо попрощаться со всеми.

Я не возражал. Ее план был одобрен. Я так любил свою мать, что ни в чем ей отказать не мог. Первый поход она совершила в Башкирию, позже – в Вологодскую область.

В июне к нам нагрянул неожиданный гость – мой двоюродный брат Михаил Владимирович Лютоев. Это был сын маминой сестры Анны. Мы все считали, что он погиб в войну, а он оказался живым. Предоставим слово ему самому:

- Как помните, нас в 1930 году раскулачили. Отца погнали на лесоповал, где он скоро и погиб. Мы с братом и матерью решили убежать из Коми области в Сибирь. Документы нам справил ваш отец Иван Иванович. Мы были Лютоевыми, а стали Исаковыми. Мать стали звать не Анной, а Марией. Мы с братом имена свои сохранили. Долго мы скитались по городам и весям. Брались за любую работу. Потом нам повезло: мы встретили бывшего коми крестьянина Пунегова, который давно уже там жил. У него

крепкое хозяйство, и он нас приютил. Спаслись от голодной смерти. Позднее мы узнали, что тетя Клава работает в Башкирии. Перед войной мы и приехали к ней. А тут война. Тетю Клаву и нас, двух братьев, сразу же отправили на фронт. Скоро мой брат Николай погиб под Ленинградом. Я же попал в саперную часть и воевал на Калининском фронте. Однажды нас послали разминировать дорогу ... В группе было 4 человека. И мы попали в засаду. Немцы нас захватили в плен. Мы попали в большой лагерь военных где-то в Польше. Меня сразу заприметили. Коля знает, что я обладал исключительной памятью. В Сибири еще начал изучать иностранные языки. Я очень быстро изучил немецкий, английский и французский языки. К началу войны уже хорошо знал 6 языков. Меня в плену определили переводчиком, начал работать у майора Готфрида. Я не только переводил, но и начал обучать майора разным языкам ... Он дружески относился ко мне. А однажды, когда он поехал в отпуск, взял меня с собой и познакомил со своей сестрой. Дело дошло до того, что мы поженились. Жить стали в Нюренберге. Я начал работать у Симекса – тоже переводчиком.

В этом году я попросился во время отпуска съездить в Советский Союз. Надеялся встретиться с матерью и другими родственниками. Приехал в Гам, где, думаю, кто-нибудь из Козловых или Туркиных живы. Встретился с двоюродной сестрой Лялей, которая и дала ваш адрес. Вот я и в Сыктывкаре.

Мы с Володей видели её в Ухте у Нины Иван.

Глава 4

На другое утро мать меня предупредила, что надо нам остаться одним: есть очень важное сообщение.

Я позвонил на работу, предупредив, что задерживаюсь.

Когда все домочадцы ушли, мать посадила меня с Мишей за стол, а сама села напротив – она сказала так:

- 61 год я ждала этой минуты. И вот она наступила.

Сказав это, она развернула тряпочку алого бархата и положила на стол два крупных алмаза. Они были очень красивы. Трудно передать словами, что произошло с нами. Мы были в шоке. Мы очарованно смотрели на бриллианты. Они притягивали нас. Тишина была абсолютной. Нарушила ее мама:

- Теперь слушайте, как они мне попали. Да и удивительно не то, как я их приобрела, а то, как я сумела их сохранить в течение 61 года. Вот какая история этих алмазов.

И мать подробно рассказала и о Соловках, и о чудной полукоми-полуфранцуженке Марго Дюбуа (Коданевой) и о других давних событиях. Поведала она и о том, что она трижды ездила в Архангельск поклониться праху этой удивительной женщины и каждый раз заказывала молебен в местной церкви за упокой ее души.

Мы с Мишей не проронили ни слова. Мария Александровна на наших глазах выросла в великаншу, которая сквозь бури и штормы несла свой крест ...

Через какое-то время мы опомнились.

- Я их вручаю тебе, Коля. Используй их во благо всех наших родственников.

- Что я буду с ними делать? – поспешил я промолвить. – У меня ничего не получится. Я не сумею их использовать. Отдадим их Мише. Пусть он в Германии заведет полезное дело, а если дело будет прибыльным, помогать будет нам. Мы народ бедный, да и не привыкли жить богато. Пусть им цена – миллион. Но на что мне миллион? Мне он не нужен.

- Мне, конечно, можно использовать это богатство, – задумчиво сказал Миша. – Но я не хочу обижать вас. Камни я не возьму.

- Может, пожертвуем детским домам? – вопросом ответил я. Они у нас очень бедные.

Снова воцарилась тишина.

Договорились же все-таки так: Миша забирает эти камни ... Через посольство узнает надежного ювелира, продает ему алмазы. Половину выручки оставляет в Москве для нас (у тети Шуры). Другую половину он вкладывает в дело (у того же Сименса, где он работает), а из полученных

прибылей будет помогать родственникам. Из Москвы же он слетает в Башкирию к матери.

Через пару дней мы Мишу провожали на самолет, который летел в Москву.

Однако все оказалось не так просто. На другой день после отъезда моего двоюродного брата приходит ко мне Анатолий Митин, который работал в КГБ, и сообщает, что тот немец, который гостил у меня, под колпаком КГБ. С Митиным мы учительствовали до войны на Удоре, были друзьями.

Это сообщение прозвучало для меня, как гром среди ясного неба. Что делать? Как вызволить Мишу из беды? Что известно КГБ о нем? На эти вопросы не было ответов. Хотел сразу полететь в Москву, не пустили: как раз намечалось республиканское совещание по детским домам. Понадеялся на "авось".

А между тем, дело оказалось нешуточным.

Прилетев в Москву, Миша собрался к автобусу. Внезапно к нему подошел какой-то молодой человек и говорит:

- Я из Айкино, зовут меня Павел Исаков. Прилетел в Москву, а остановиться негде. Говорят, в гостинице нет мест. Может, на денек можно с вами?

- Я иду к тете. Сам не знаю, как она живет. Давно не бывал, – отвечает Миша.

- Ну, пойдем вместе, а если нельзя, буду искать другое пристанище, – отвечает он.

Михаил быстро нашел дом тети. Зашли, а она одна. Дочери с сыном не было дома. Александра Александровна очень обрадовалась. Как же: племянник перед ней, прямо из могилы. На радостях и его товарищу разрешила переночевать у них.

Пока тетя хлопотала по хозяйству, Миша успел кратко рассказать новому приятелю свою историю возвращения с того света. История, как говорят, банальная: таких случаев в годы войны было множество.

Угощались и целый день перемывали косточки родственникам. Вечером пришла двоюродная сестра Миши Валя с сыном, которого привела из детсада. Снова восклицания и десятки вопросов, снова тосты и тосты за живых и усопших.

На другой день Исаков ушел по своим делам, а Миша пошел в посольство ФРГ. Там ему порекомендовали ювелира и пожелали удачи.

Ювелир оказался человеком подозрительным, но внимательно и скрупулезно изучил алмазы. Он предложил за них 25 тысяч долларов. Конечно, бриллианты стоили в два раза дороже, но Миша не стал торговаться.

У выхода от ювелира его ждали трое молодых людей. Предъявив документы, они арестовали Михаила Владимировича и повезли на Лубянку.

Глава 5

На допросе присутствовал и злополучный “земляк” Исаков. Они, оказывается, за Михаилом следили с того моменты, когда он вышел из самолета, прилетевшего из Германии. Доллары, конечно, конфисковали, а ведь их хранила тетя Мария ровно 61 год. Допрос длился недолго: они уже всю его историю знали. Когда же Миша сказал, что он гражданин ФРГ, ему ответили так:

- Тебя никто не лишал советского гражданства. В сталинское время ты бы проходил как предатель Родины. Получил бы “вышку” или 25 лет лагерей. А ныне ты будешь судим за валютные махинации. 25 тысяч долларов – это веское обвинение. Ну, получишь десятку.
- Я же гражданин ФРГ, – защищался Мишель Готфрид.
- Ну, за это, может, скостят пару лет, не более, отвечали ему.
- А что вы ответите посольству ФРГ? – спрашивал обвиняемый.
- А то и ответим, что у нас был осужден Михаил Владимирович Лютоев, гражданин СССР. Другого мы не знаем, – парировали ему.

Однако Миша не сдавался:

- На Западе говорят, что в СССР хрущевская оттепель, что правосудие стало истинным правосудием, что наступила гражданская свобода.

Ничего не помогло. Скоро состоялся и суд. Он был закрытым и коротким. Свидетелей не было, кроме агентов КГБ.

Суд приговорил Лютоева Михаила Владимировича за валютные махинации к 7 годам каторжных работ с конфискацией денег в сумме 25 тысяч долларов.

Михаил был в шоке. Несмотря на то, что их раскулачили, он был истинным поборником советской власти. Не то что другой брат, который был таким же истинным врагом этого строя. Миша размышлял, что все кончено, что из лагеря живым не выбраться: он был наслышан о порядках в этих заведениях, да и в годы войны побывал в гитлеровских лагерях, которые мало чем отличались от сталинских. Он знал непонаслышке цену лагерной баланды и “почем там фунт лиха”.

Глава 6

Мишу отправили этапом на свою родину – в Княжпогост. Он об этом узнал раньше, когда случайно услышал названия станций: Межог, Гам, Вездино! Это родное слово обожгло его, как током ... Он сразу же представил свой родной дом, высокий берег Вычегды. По глади могучей реки плывут баржи, катера, пароходы. Он бегает с такими же пацанами. Вот забирается в пещеру, которую они вырыли в обрывистом берегу для военных игр.

Весело проходили эти игры. Он всегда был красным командиром, а его брат Николай – белогвардейцем. Во время последней игры его брат назвал себя атаманом Матюхиным. Миша же был тогда адъютантом Котовского. "Бандиты" взяли его в плен и посадили в чью-то баню. У двери часовой. Миша решил убежать. Ему удалось снять оконную раму. Вылезая через окно, чуть не застрял (окно-то узкое), но как-то все-таки выскользнул. Потом побежал в свой отряд и рассказал, где прячутся "бандиты" ... "Красные" пошли тайными тропами и разгромили штаб "белых". "Когда это было" ... подумал Миша. В одном из лагерей он и нашел свое пристанище. Лагерь в основном занимался лесоповалом и переработкой древесины на пиломатериалы. Он был физически здоровым и работящим человеком. Работы он не чурался, но угнетала вся лагерная обстановка. Здесь советских законов не знали: всеми делами ведали воры в законе. Он был рядовым зэком. Отбой, подъем, прием пищи, наряд, норма, уборка, санчасть – вот этапы лагерной жизни.

Но однажды весь распорядок жизни зэка за № 909 был в корне изменен. Его вызвали к начальству и спросили, верно ли то, что он знает 6 языков. Миша ответил, что все это верно. Тут же его проверили, истинно ли так. После этого вместо лесоповала он попал в контору лагеря, где стал главным переводчиком. Лагерь был многоязычным, и ему работы хватало.

Теперь же Михаила мы оставим на время в покое и перенесемся на волю.

Скоро мы с матерью поехали в отпуск в Белоруссию, а по пути в Москве заехали к тете Шуре. Речь, конечно, сразу же завели о Мише Лютоеве. Александра Александровна сказала, что как внезапно появился у них Миша, так внезапно и исчез. Ничего она о нем не знает ... Когда она сказала, что Миша ночевать пришел с приятелем, я сразу понял, что это был агент КГБ. Дальнейшая судьба Миши была ясна: он в лагере. Но мы еще не узнали, успел ли он продать алмазы. Это следовало выяснить. Но как? По нашим понятиям, вопрос был неразрешимым.

Мы, конечно, написали письма матери Миши и в Нюренберг его жене о том, что он внезапно пропал. Я сообщил свой адрес и указал, что буду дома лишь в начале сентября.

В Белоруссии мы три брата подробно обсудили сложившуюся обстановку. Я сообщил братьям, что Мишу Лютоева припрятали в лагерь. Нам с матерью, безусловно, досталось от братьев за то, что бездарно потеряли и алмазы, и человека. Мы не оправдывались, особенно в удрученном состоянии была мама. Она считала, что только она виновата в том несчастье.

Здесь я стал свидетелем того, как братья-медики принимают больных. Саша в эту пору обычно отпуск не брал, поэтому больные посещали его каждый день. Утром, когда собиралось уже несколько посетителей, он обращался к ним со словами:

- Ко мне приехали в гости мои братья и мать. Мой старший брат профессор медицины. Может, кто-нибудь из вас пожелает к нему на прием?

Желающих нашлось: ведь сам профессор их будет осматривать. Теперь понаблюдаем их в деле.

Я приоткрываю чуть-чуть двери кабинета, где сидит профессор. Заходит больной. Профессор его встречает.

- Садитесь! На что жалуетесь?
- Да вот живот что-то забарахлил.
- Покажите язык. Так, ясно. Вот вам рецепт. В аптеке вам скажут, как принимать. Следующий!

Теперь, как принимает больных доктор, т.е. Саша. Дверь его кабинета приоткрыли. Заходит больной.

- А, Василий Петрович, здравствуйте, здравствуйте! Давно ты у меня не был. Ну, о себе ты потом расскажешь, а как твоя жена? Поправились ли у нее ноги? А как детки? Помню, помню: Петюня ваш захворал. Как теперь?.. Пусть зайдет ко мне, я его посмотрю. А теперь мы с вами покалякаем. Разденьтесь до пояса ... Да, вы немного похудели ...

Когда же доктор выписывает лекарства, два раза повторяет, когда и как их принимать, на голодный или сытый желудок ...

На завтра доктор снова рекомендует профессора, но желающих не находит. Больные говорят так: "Ты уж, доктор, сам прими, нам боязно пойти к профессору".

Я еще раз убедился, что правы те мудрецы, которые говорят, что врачи лечат не только лекарствами, но и словом.

Глава 7

Пока мы были в Белоруссии, в Минпросе Коми назревал скандал. Суть его такова. В Усть-Вымском школьном детдоме закрыли столовую на ремонт. Детей начали кормить на улице. Оборудовали столы и скамейки, а пищу готовили в котлах на костре. Там же стоял большой чайник с чаем. Ученица 3 класса подошла к костру и начала наливать чай. В это время от порыва ветра пламя костра коснулось платьица девочки. Платье загорелось. Испугавшись, она побежала не к людям, а в другую сторону. Пока взрослые погасили пламя, девочка получила сильные ожоги. Медсестра не сумела оказать первую помощь. До больницы же 25 км, а дороги плохие. В результате девочка умерла.

В это время в Сыктывкаре находилась инспекция Минпроса РСФСР. Она подала телеграмму в Москву, что в детских домах Коми АССР детей жгут в кострах. Из Москвы в обком партии поступила грозная телеграмма. Были сняты с работы и отданы под суд директор детдома и воспитательница. Но Москва предлагала наказать и более высокопоставленных лиц – министра или его зама. Зам. министра, который ведает детскими домами, находился в трудовом отпуске и был в отъезде, но обком партии все-таки снял с работы его, а не министра.

Когда я вернулся из отпуска, на моем месте уже сидел другой человек. Я пошел к секретарю обкома Н.Н. Рочеву. Он объяснился так:

- Москва настаивала снять с работы министра или его зама. Однако, зам.министра в отпуске, министра же только что наградили орденом "Знак почета", он больной старик, ему пора на пенсию. И у нас не было выхода. Решили пожертвовать тобой. Ни в каком приказе это не будет указано, тебя переведем завучем ИУУ и о снятии с работы нигде не будет указано, а только в постановлении бюро обкома партии. Так что не бунтуй: твое снятие будет только символическим. Мы вам поможем на новой работе. Нынешнего завуча ИУУ мы назначим зав.кабинетом, чтобы освободить вам место.

Вот такой подарок мне преподнес 60-й год. Безусловно, для меня это был большой удар, но такова была тогда обстановка.

Но 60-й еще не был завершен, он продолжал считать свои дни, часы и секунды. Он готовил для меня еще один удар. Завершив все свои "плановые" поездки к родственникам и совершив паломничество в Киево-Печерскую лавру, моя мать вернулась домой. Ничто не предвещало, что близится трагедия. 4 декабря от инсульта скончалась моя любимая мать. Ее предсказание сбылось. Великое горе омрачило наши сердца. Все братья и сестры приехали в Сыктывкар, чтобы сказать последнее "прости" своей родительнице, которой все мы обязаны жизнью. Жизнь Марии Александровны была великим подвигом, подвигом незаметным. Так завершился для нас злополучный 1960-й.

Глава 8

Тревогу подняла Эльза – жена Михаила. Она позвонила своему брату Гансу, который проживал в Мюнхене. Сообщила ему, что Мишель поехал в Россию к родным и пропал: ни слуху, ни духу. Ганс предложил связаться с московским послом ФРГ и попросил держать его в курсе поисков.

Узнав адрес посольства, Эльза позвонила в Москву. Оттуда ответили, что Мишель Готфрид был в посольстве и наводил справки о каком-то ювелире. Записав номер телефона Эльзы, посольство обещало узнать подробности и сообщить ей в ближайшие 2-3 дня.

Такое сообщение из Москвы Эльза получила. Действительно, они нашли ювелира и узнали от него, что Мишель Готфрид продал ему два алмаза, за которые получил 25 тысяч долларов. Где теперь Готфрид, они не знают, но постараются узнать.

Когда Эльза сообщила эти новости брату, он предложил ей поехать в Москву.

Эльза так и поступила. Оформив документы, она полетела в Москву. Она забрала с собой записи с адресами родных Мишеля. Его родные жили в Коми АССР и Башкирии.

В посольстве Эльза ничего нового не узнала. Сказали, что следы Готфрида нигде не обнаружены.

Хотя в Москве жила тетя Михаила, но Эльза ничего не знала о ней. Она поехала в село Гам Коми АССР. Она сносно говорила по-русски, и это ей помогло. Мишель научил ее не только русскому языку, но и заставил запомнить многие коми слова. Все это теперь очень пригодилось …

В Гаме жила моя сестра Илария, которую знал весь Гам, так что Эльза без особого труда нашла ее дом. Илария Ивановна так тепло встретила дальнюю родственницу, что Эльза, приехав в Германию, рассказала всем своим знакомым о чудной сверхгостеприимной коми женщине.

Илария рассказала, что Михаил Владимирович был в гостях у нее и что он поехал к ее брату Николаю и к тете Маше в Сыктывкар.

Эльза заторопилась, но Илария не пустила ее в дальнюю дорогу. Она затопила баньку и заставила иностранку испытать, что такое коми баня. На другой день с утра до вечера Илария поведала, как они живут, как и где жили родители Михаила. Потом водила по огородам, показав свои посадки. Ходили и в гости к родственникам из деревни Погост. Посмотрели там знаменитую гамскую церковь. Только через два дня отпустила она Эльзу и разрешила уехать, снабдив в дорогу разными деликатесами. Конечно, побывали и на кладбище, где похоронен отец Иларии, ее и Михаила бабушка и другие родственники.

В Сыктывкаре Эльза быстро нашла мою квартиру.

Мы только что позавтракали. Я собираюсь на работу, а мать занимается уборкой. Вдруг звонок в дверях. Открываю двери и вижу симпатичную женщину среднего роста, лет сорока, с чемоданом в руке. Она:

- Гутэн таг, извините, здравствуйте! Вы Козлов Николай Иванович? Я жена Мишель Готфрида, т.е. Михаила Лютоева ...

Я поздоровался, потом пригласил маму, и мы очень радужно встретили иностранку. Сразу же посадили за стол, угощали, чем могли. Эльза, не теряя ни минуты, рассказала, зачем она приехала.

Мы, конечно, тоже рассказали все, что знали о Михаиле, но были удивлены тем, что он куда-то пропал. Мы же думали, что он уже в Германии.

Эльза рассказала и то, что Мишель в Москве продал какие-то бриллианты за 25 тысяч долларов и что после этого никто его нигде не видел.

Я женщин оставил дома, а сам пошел на работу. Сразу же связался по телеграфу с Башкирией, где жили мать и тетя Михаила. Уже вечером получил ответ, что в Башкирии Миши не было.

После работы дома речь шла, конечно, только о Мише. Где он? Куда попал? Может, схватили его бандиты, ограбили, а самого убили? Терялись в догадках. Безусловно, решили, что он уже не живой, потому что, если бы с ним ничего не случилось, он бы сообщил о себе в Германию и Сыктывкар.

Вечером вызвал машину, Эльзе показал достопримечательности Сыктывкара, благо их у нас не так еще много было. Сводил я ее и в наш "Париж", показав, где жили пленные французы в 1813-1814 годах. Побывали и в Эжвинском районе, где шла грандиозная стройка лесопромышленного комплекса.

Через три дня проводили мы нашу иностранку на самолете в Москву. Настроение ее было плачевное. Дали адрес тети Шуры в Москве. Там она побывала, но ничего нового, конечно, не узнала. И она, убитая горем, возвращалась в Германию.

На следующий день после отъезда Эльзы я пошел в КГБ к Митину. Рассказал все, что узнал. Анатолий Иванович определенно сказал, что Михаила Лютоева подобрал КГБ. Он уже обитает в одном из лагерей. Где? Решили по мере возможностей искать. Но на душе у меня было тяжело: по нашей вине (матери и меня) такой хороший человек попал в страшный переплет. Я на 100 % был уверен, что он в одном из лагерей. Эта уверенность возникла сразу же, как только узнал, что Миша продал 2 бриллианта за 25 тысяч долларов.

Из Германии я скоро получил письмо. Эльза писала, что в Москве ничего нового она не узнала. Александра Александровна, тетя Михаила, сообщила, что к ним он больше не заходил.

Я ответил Эльзе, что Миша живой и что в этом я абсолютно уверен. Добавил, что КГБ припрятал его за решетку. 25 тысяч долларов – это не пустяки. Некоторые сидят там даже за сотни долларов. В каком он лагере, я не знаю, но искать будем, и я буду сообщать о всех новостях. Просил ее не падать духом и надеяться, что Мишель выпутается из этой истории. Я, конечно, знал точно, за что и как он попал в лагерь, но об этом писать было нельзя. Моя мать и так извела себя, переживая свою вину, хотя никакой вины с ее стороны не было. Просто она не понимала, как большевики "зарабатывают" свои ресурсы. Безусловно, это грабеж средь бела дня, большевики же считают, что это пополнение казны революции, а "революции – локомотивы истории" (К. Маркс). Но мы сегодня не будем спорить об этом, потому что история сама определяет, где правда, а где ложь. Однако нашему герою где-то очень горько.

Глава 9

Я был уверен, что Михаила Лютоева упекли в лагерь. За такие деньги не прощают. Надо было его выручать. Но как? Прежде всего, надо составить документ, который бы ясно отвечал на вопрос, где он приобрел бриллианты. И мы с мамой составили такое заявление-объяснение.

Заявление

Я, Козлова Мария Александровна, роилась 16 августа 1882 года в селе Гам, Яренского уезда Вологодской губернии (ныне: Усть-Вымского района Коми АССР). В 1899 году я ездила молиться в Соловецкий монастырь. В пути познакомилась с паломницей Марией Петровной Коданевой, которая ехала в Соловки из с. Слобода, что близ Усть-Сысольска ..." Далее говорится, как они подружились, поехали в Соловки и там совершили молебствие, как в пути Коданева заболела и умерла в Архангельске. "А перед смертью подарила мне 2 алмаза за то, что я ухаживала за ней и за то, чтобы хорошо ее похоронила и регулярно бы совершала богослужения за упокой ее души".

Далее было сказано, что Мария Александровна 61 год хранила эти алмазы, а в 1960 году, когда приехал Михаил Лютоев, подарила ему. "Я очень любила племянника Мишу и ее мать – мою сестру Анну – и очень их жалела за то, что они долго страдали". В 1930 году их раскулачили, мужа Анны отправили на принудительные работы, где он и погиб. И им пришлось долгие годы скитаться по свету. Бриллианты я подарила безвозмездно, чтобы они зажили в достатке и счастливо.

Поэтому я считаю, что Михаил Владимирович Лютоев мог распорядиться этими алмазами по своему усмотрению, и никто не имеет права обвинять его.

Заявление было заверено нотариально и двумя свидетелями, которые там присутствовали.

Я надеялся, что эта справка поможет, чтобы вызволить Михаила из-под стражи.

Но надо было еще найти, где он находится. Большие надежды я возлагал на А.И. Митина.

Во время очередной встречи Анатолий Иванович сказал, что по сообщению начальника его могли отправить и в Коми АССР, и в Вологодскую область, и в Среднюю Азию, и в Магадан. Он добавил:

- Когда же я попросил сделать запрос, куда отправили брата моего друга, то начальник отказал мне, сказал, что нет оснований на такой запрос. Скоро у меня намечается командировка по северным весям: я побываю в

Воркуте, Инте, Печоре, Ухте, Княжпогосте, но мало вероятно, что он направлен именно к нам. Я, конечно, постараюсь выяснить, хотя это похоже на поиски иголки в стоге сена!

Так мы и разошлись без надежды на успех.

Дома мать, безусловно, допрашивала меня с пристрастием, расстраивалась, что так трудно узнать, где Миша находится. Я отвечал, что очень трудно, что у КГБ все засекречено, на каждой бумажке гриф "Совершенно секретно".

Я, безусловно, успокоил свою маму, сказав, что не все потеряно и что продолжим поиски. Обратился даже к председателю Совмина Коми АССР З.В. Паневу. Зосима Васильевич обещал поговорить с начальником КГБ.

А дома нет для меня покоя. Всюду меня преследуют скорбные глаза матери. Эти глаза говорили мне:

- Эх, ты! А еще называешься зам. министра. Где же твои способности? Где же твоя сила? С первым серьезным делом не справился ...

Приходится молча переживать эти упреки.

И вдруг ... Звонок из Воркуты. Звонил А.И. Митин, который сообщил, что в списках рабочих одной шахты нашел Лютоева. Обещал точно узнать, мой ли он брат.

На другое утро мать мне сказала, что всю ночь не спала, думала о племяннике.

Дождались звонка Митина. Сообщение было безрадостным: это был какой-то Роман Сидорович. Но и то хорошо, что человек ищет. Я поблагодарил Анатолия Ивановича, попросил поискать и по другим городам, вернее, лагерям.

Дальнейшие поиски продвигались так. Митин побывал во всех лагерях Инты, Печоры, Ухты и Сосногорска, но моего двоюродного брата нигде не обнаружил. Приехал в Княжпогост, а там телеграмма: срочно отзывают в Сыктывкар. А как мы теперь знаем, надо было побывать в лагерях Княжпогоста. Однако обстоятельства сложились иначе. Тогда, конечно, мы не знали, что Михаил Лютоев обитает в одном из лагерей Княжпогоста. Вот такие досадные случаи бывают в жизни.

При встрече Митин мне рассказал, что в Ухте (в одном из лагерей) он встретил еще одного Лютоева, но тот был уроженцем Воронежской области.

Оставались еще два куста – Микуньский и Княжпогостский, где размещались более десяти учреждений Гулага. "Будем искать", – решили мы. При этом вспомнили изречение какого-то мудреца, что только ищущий обретет истину.

Глава 10

Прошло столько лет, а я до сих пор помню первую встречу с Мишей Лютоевым. Ему тогда было пять лет. Он приехал к нам в гости вместе с родителями. Я уже был взрослым: учился в третьем классе. Я взял его за руку и повел на край оврага. Наш дом стоял на окраине деревни около небольшого ручья, который, наверно, за сотни лет сотворил этот овраг.

Мы сели на краю оврага. Я размышляю над тем, как бы гостя чем-нибудь удивить. Говорю ему:

- Вот внизу течет маленький на вид ручеек, а этот малыш за многие годы сумел вырыть этот огромный овраг. Сколько же лет он трудился над этим?

Миша улыбнулся, а потом не по-детски нахмурил брови и сказал:

- Я думаю, чуть больше ста лет.
- Неужели ты умеешь считать до ста? – спрашиваю я.
- Могу считать и до миллиона, – говорит мой малыш.
- Ну, уж нет! – удивляюсь я. – Давай попробуй, считай!

И тут началось: он скороговоркой перечислил все сотни, дошел до тысячи, потом до десяти тысяч, до сотни тысяч и сказал "миллион". Я потерял дар речи, а он очень спокойно стал рассказывать:

- Я уже давно научился читать и считать. Вместе со старшим братом. В школу же меня не принимают, говорят, что мал еще ...

Если бы такое обнаружили теперь, то мальчика бы отправили учиться в специальное учебное заведение, а тогда на это никто не обращал внимания: знает и знает, считает и считает, сам как-нибудь потом выбьется в люди.

Когда я начал учиться в Усть-Вымской школе второй ступени, у Лютоевых бывал часто. До дому далеко – 50 километров, а ходить надо то на каникулы, то за продуктами. Приходилось ходить пешком. Идешь, бывало, и смертельно устаешь. А через 37 километров дом Лютоевых. Заходишь к ним и день-два отдыхаешь, а оставшуюся дорогу преодолеваешь легко.

У Лютоевых сытно и занятно. Два брата не дают скучать. Они чуть моложе меня, но я люблю возиться с малышами. Вот мы трое тогда и проводили эксперименты. Берем незнакомую книгу, открываем любую страницу и Мише даем читать. Как только он прочитал, мы берём у него книгу и отходим в сторону, а Михаил начинает воспроизводить по памяти эту страницу. Мы контролируем по книге. Ни одной ошибки! Для нас – это чудо, а Миша только улыбается. Такого феномена я в жизни больше не встречал.

Миша очень любил и уважал своего отца. Да и было за что. Владимир был ловким, смелым и сильным. На сплаве, бывало, бревна забьют все пространство реки – от одного до другого берега. Если надо попасть на тот берег, то мало кто отважится перейти по бревнам. Наступишь на бревно, а оно тонет, надо молниеносно перескочить на другое. Многие при этом оказывались в холодной воде. Их спасали потом на лодке. А Владимир Лютоев ухитрялся всегда попадать на другой берег по этим скользким и непослушным бревнам.

В лесу Владимир чувствовал себя, как дома. Он знал все приметы и никогда не блуждал. Часто брал с собой Мишу и учил его, как найти рябчика или белку, где больше всего растут грибы или ягоды. Миша все это запоминал, а потом учил ориентироваться и других.

У двух братьев Лютоевых был тайник. Они мне его показали. Там хранились таинственные вещи: самодельная сабля, финский нож, обрез охотничьего ружья, деньги – серебряные рубли и полтинники, какие-то книги и амулеты.

Недолго длилось их безмятежное детство. Когда их раскулачили, а отец погиб на принудительных работах, мать решила уехать с детьми в Сибирь. Мише было 10 лет, брату его Николаю – 13. Справили документы, изменив фамилию на Исаковы; мать стали звать не Анной, а Марией Исаковой. Имена Миши и Коли не изменили.

Поехали вначале на Котлас, потом – в Киров и далее – в Сибирь. Об этих скитаниях надо написать отдельную повесть, а я хочу пока на этом и остановиться.

Лишь добавлю одно. Деньгами они запаслись: кое-что продали из вещей, помогли гамские родственники, но их оказалось все-таки слишком мало. Пришлось искать работу на всех троих. Об учебе не думали. В Сибири коллективизация проходила несколько иначе и спокойнее, и работу там найти было легче. К тому же Анна была исключительно трудолюбивой и умелой работницей. Ее сразу приметили и к ней начали относиться уважительно. Братья же в основном работали пастухами.

Глава 11

Как будто я до сих пор слышу голос Миши Лютоева, когда он рассказывал о первых днях пребывания в лагере. Он говорил:

- Поместили меня в огромную камеру, вернее, не в камеру, а спортивный зал. Я думаю, что такие большие камеры сооружаются специально, чтобы начальству лучше знать, что там творится, не готовится ли побег или другое ЧП. В большой камере всегда есть "стукач", который расскажет кому следует о "погоде" в камере и происшествиях. Нары там двухъярусные. На второй этаж забираться неудобно, зато там теплее в зимние ночи.

- Приняли меня там настороженно, да, наверно, всех так принимали. Каждый ведь себя считает лучшим человеком, хотя и попал сюда, а вновь прибывшего – уж, Бог знает, каким преступником. Когда же узнали, что я местный – из Вездино, то сразу потеплели: коми мужиков уважали. Я рассказал, что попал за валютные операции, но мне не поверили: коми-зыряне, мол, не способны на такие дела.

- Самое незабываемое время в камере – ночь. Иногда проснешься ночью, когда кругом витает сладкий сон, и начинаешь изумленно слушать эту ночную "симфонию". Хотя это называется храпом, однако, это поистине "симфония". Слева и справа слышишь тихое посапывание, а в это время впереди затрещит мощный "Клетран". Поясняю: "Клетран" – это гусеничный трактор. А где-то сзади гремит мощный ЧТЗ. Этот "трактор" извергает такие звуки, что на время утихают все. Потом опять набирают силы другие голоса. Если бы был тогда звукозаписывающий аппарат, то можно было бы записать полный концерт, который бы слушали с упоением. Сигнал "Подъем" гремит, как артиллерийский салют. После этого на мгновение затихают все звуки, а через пять секунд начинается вакханалия. Кругом матерщина, крики, что кто-то на кого-то наступил. Кто-то кричит своему дружку и приглашает его прогуляться. Одним словом – не разберешь! А тут новый пушечный залп – "Выходи строиться!.."

- На лесоповале начинается настоящая трагедия. Когда неумолимый топор наносит дереву незаживающие раны, дерево вздрагивает, как будто хочет убежать. А однажды я прямо услышал (не вру!), как дерево зашептало: "За что ты меня так терзаешь?" Но тут затрещала бензопила и завершила трагедию – стремительно раненый гигант с шумом и треском свалился на снег, подняв в воздух тысячи снежинок. Да, такова судьба зеленых наших братьев и кормильцев.

- Но самое неприятное, когда отменяют выходной день, когда в пять часов утра в воскресный день загремит: "Подъем!" Это случается тогда,

когда производственный план не выполняется. Мрачные, не выспавшиеся тени тихо бредут к выходу и занимают места в строю. В лесу же как-то успокаиваешься. Наверно, деревья испускают бальзам спокойствия. И работа закипает: сонное настроение улетучивается.

- Возвращались из тайги голодные. И сразу же в столовую. Там нас ждали жиденький суп, жиденький чай, но наваристая каша. На этой пище, конечно, не разжиреешь, но жить можно. И я особого голода не чувствовал.

Слушая рассказ двоюродного брата, я мысленно улетал тоже в тайгу, где мы, студенты педтехникума, месяцами работали на лесоповале или возили бревна на тракторах. Это было на Ибской тракторной базе. Наши трактора были марки “Клетран” (Миша в рассказе говорил именно об этом тракторе). Нам, конечно, не разрешали самостоятельно работать на тракторе: рядом всегда сидел тракторист. Когда же ехали порожняком, тракторист давал нам волю. Мы тогда были на седьмом небе: как же, такая мощная машина подчиняется нам. Управлять трактором было легко: он подчинялся рычагам, а это проще, чем крутить баранку.

На лесоповале все-таки было тяжело. Нам тогда было по 15-17 лет. Топоры плохо слушались. Пилили же простой двуручной пилой: бензопил еще не было. Зато было весело. Когда садились обедать, хлеб пилили тоже пилой, потому что он был мерзлым. Однако этот хлеб казался нам очень сладким.

Однажды нашу однокурсницу Катю Бессонову завалило деревом. Прибежали мы, вытащили из-под елки, осмотрели. Оказалось, что нет серьезных травм. И давай качать ее, выкрикивая: “Во счастливая! В рубашке родилась! Теперь будешь жить до 80 лет! Елка не то, что сосна, ласковая!..” К этому хочу добавить, что Екатерина Степановна Бессонова (Рочева) дожила, действительно, до 81 года.

Глава 12

Сегодня у Миши Лютоева тяжелый день – с утра разболелась голова. Можно пойти в санчасть, но там на приходящих зэков смотрят, как на симулянтов. А честному человеку это обидно. Решил пойти на лесоповал. Там, наверняка, природа поможет ...

Так и случилось. До чего же приятен наш северный лес! Некоторые зовут его тайгой, а Миша – нет: слово тайга таит в себе какой-то злой умысел. А лес – это целебный, добрый милый друг. Как прижмешься к великанше – сосне, она, как мать, тебя и пожалеет, и целительную силу даст. Но вот парадокс: она к тебе с добром, а ты ее валишь, рубишь, губишь ... Но что я могу поделать? Такова, видимо, жизнь! Такие нравы! Да не то что нравы, а потребности человека. Поэтому, скрепя сердце, бросаешься на своего целителя.

К концу дня голова почти поправилась. Миша уже веселее зашагал к ждущим машинам. Но все равно душа была неспокойна.

После ужина зашел в барак как будто помолодевшим. А там в кружочке группа ребят оживленно о чем-то беседуют. Прислушался. Разговор идет о школе и учителях. Миша всегда уважал и школу, и учителей, поэтому присел к этой группе.

Как раз молодой парень рассказывал, живописно жестикулируя:

- Я учился в Гамской средней школе. Был у нас учитель-историк Николай Васильевич Агафонов. Мужик как мужик, даже фронтовик, но едва ли он знал историю. Это же такая наука, у которой ни конца, ни края нет. Едва ли на свете найдется человек, кто доподлинно знает историю. Да и невозможно ее знать: тут нужны тысячи голов, да и то трудно сказать, смогут ли вместиться в эти тысячи голов все знания по истории ... Я же хочу рассказать совсем о другом. Вот этот Николай Васильевич на уроке 40 минут рассказывал свою биографию, похождения, а 5 минут оставлял на историю. Что можно узнать за 5 минут? Страницы учебника и номера параграфов. Он так заканчивал урок: прочитайте эти страницы, и все секреты этой хламиды-истории будут ясны. Эти страницы никто, конечно, не читал, и хламиду-учебник закидывали под диван. Вы спросите, как же сдавали экзамены. Сдавали вот как: учитель заранее давал нам экзаменационные билеты, и на один-то билет мы как-нибудь дотягивали до "тройки".

- Однажды к нам нагрянула министерская комиссия. Я тогда учился в 7 классе. Председатель этой комиссии решил придти в наш класс и проэкзаменовать нас. Николай Васильевич заранее пришел к нам и приказал уматываться с урока. Мы и рады. Значит, урок не состоялся. Агафонов объяснил председателю, что мы все работаем в сельсовете над архивами.

Однако этот дотошный глава комиссии не успокоился и на другой день пришел к нам с расспросами, что мы узнали из архивов. Учитель же нас не предупредил об этом, и мы попали впросак. Все раскрылось. Позже мы узнали, что Николая Васильевича с работы не сняли: председатель комиссии его пожалел как фронтовика. Вот какие бывают дела!

Тут выдвинулся Гришка Изва-тас. Это не фамилия. Гришка звал себя изва-тасом, и вся братва его знала под этим именем. Послушаем его:

- Мой дед еще до революции учился в Сизябске, и он рассказывал, как приезжал к ним инспектор народных училищ. Он по всему району ездил на санях: тогда машин не было. Приехал, скажем, в Сизябск в 12 часов ночи. Немедленно вызывает учителя к себе. Когда приходит учитель, он приказывает вызвать сразу же сюда 12 учеников. Те, конечно, приходят: дисциплина тогда была строгая. Инспектор начинает их экзаменовать по всем предметам. Никаких скидок на неурочное время. Потом берет у учителя контрольную книгу и пишет там: "17 января 1907 года проверил Сизябское земское училище. Учитель такой-то соответствует своему назначению. Инспектор народных училищ – Долинский". Конечно, этот инспектор там ночует, а на утро едет в другую школу.

- Постойте, что я вам скажу, – вдруг выскакивает молодой парень. – Я учусь в лагерной ШРМ. Что это за школа, вы знаете. Директором там Галина Прокопьевна. Так я вам скажу, это не учителка, а профессор, доктор наук. Она знает все и вся. Наш брат ее боготворит. Она может ответить на любой вопрос. И всегда с улыбкой и с юмором. Иногда так устанешь на работе, что ничего не хочется, а как попадешь к ней на урок, забываешь, что ты устал, смертельно спать хочешь. Вся усталость улетучивается. Я думаю, что она владеет гипнозом. Иначе не может быть. Это же чудо! Если бы я верил в Бога, то сказал бы, что она посланница неба. Вот какие учителя бывают!

Все слушатели замолчали и задумались. Тишину прервал уже немолодой человек. Все с интересом его начали слушать:

- Я ведь местный. Учился и рос в этом же районе, где и наше учреждение Гулага. Я учился у Полева Павла Михайловича. Как тут рассказали о Галине Прокопьевне, я вспомнил Полева. Его, наверно, можно сравнить с нашей директрисой школы. Я считаю, что Павел Михайлович – это великий психолог. Вот он спрашивает меня про дроби, а я ничего не помню. Обидно и стыдно. А он не торопится поставить мне "двойку" и говорит: "Я тебя не узнаю: ты же три месяца назад хорошо знал этот материал. Ну-ка, вспомни, как мы с тобой решали задачу. А помнишь красивую рублевку, которую я принес? А монеты поменьше, какие знатные были. По 20, 10, 5, 50 копеек. А как мы их писали? 0,1; 0,2; 0,5? Это десятичные дроби. А как их показать простыми? 50/100 или 1/2. А помнишь

задачу? Пошевели мозгами. Ты эти знания уложил в голове на самую дальнюю полочку. Давай мы их вытащим ... А задача какая интересная была: "Я задумал число, если к этому числу прибавить столько же да полстолько, да четверть столько, то получится 100 без единицы. Что это за число?" Помнишь, как мы нашли это число? Оно было ровно 36 ...

И, действительно, голова моя заработала: вспомнил красивые монеты, десятичные и простые дроби и, главное, эту задачу, когда надо было 5 рублей дать 20 монетами по 50, 20 и 5 копеек. Учитель как бы вытаскивал из моей головы эти сведения. И я все вспомнил. Вот какой был этот Павел Михайлович ...

Миша в этот вечер долго ворочался на жесткой постели: вспоминал своих учителей – добрых и злых, умных и глупых. И сделал вывод: глупые и злые учителя не должны быть в школе. "А куда же их деть?" – подумал он. Но на этот вопрос он уже не смог ответить: уснул крепким сном.

Глава 13

По лагерю поползли слухи, что из Москвы приехало большое начальство. Чуть ли не генерал. Говорят, к нему будут вызывать даже зэков.

В субботу Михаила Лютоева вызвали к начальству. Перед ним сидел мужчина средних лет в штатском костюме. Никаких знаков различия не было. Но по манере разговаривать Миша решил, что он беседует по меньшей мере с полковником.

Лютоев, конечно, не знал, что перед этим приезжий долго разговаривал о нем с начальником лагеря. Было досконально изучено его "Дело".

Полковник, скажем так, предложил Михаилу рассказать о себе возможно подробнее. Когда Миша закончил, московский гость задумался и внезапно спросил его:

- Как ты смотришь на Советскую власть и на СССР? Ведь ты долго жил в Германии?

Михаил честно ответил, что он всегда был патриотом Родины и ярым сторонником Советской власти. А в Германии он жил потому, что так сложились обстоятельства. Главную роль сыграл, конечно, плен.

- А как ты смотришь, если мы тебя командируем в разведшколу? – задал вопрос полковник. – Безусловно, об этом говорить никому нельзя, и мы тебя на время лишим переписки.

Такой вопрос не то, что смутил Михаила: у него даже в глазах потемнело. Он не ожидал этого. Опомнившись, спросил:

- С какой целью?

Полковник внимательно посмотрел на него, а потом ответил так, вдруг перейдя на "Вы":

- По-моему, само название школы говорит о себе. Все зависит от вас. Если оправдаете доверие, будете разведчиком. Безусловно, с вашего согласия. Желаете пойти туда учиться?

- Мне бы надо посоветоваться с кем-нибудь, – ответил Миша.

- Вот этого делать нельзя, – сказал полковник.

- Согласен, – решительно сказал Михаил, – но с условием, что деньги, которые вы отобрали у меня, вернете, потому что они не мои. Они принадлежат тетушке.

- Само собой, – согласился полковник. – Может, сделают кое-какие вычеты, а деньги вернем.

Так закончился этот исторический диалог.

Михаил знал, что вопрос будет согласован в Москве, но он надеялся, что вырвется из этого капкана. Писать же письма пока не разрешили. Да это

и неважно: месяц-другой он потерпит. Что же касается дальнейшей учебы и службы, то Михаил не боялся этого. Он был и остается патриотом своей страны, а Родине надо послужить, если он достоин. Настроение было хорошее, как он себе говорит, веселое. Сокамерники спрашивали, зачем вызывали, а он отвечал, что все по прежнему делу.

Через два с небольшим месяца пришло уведомление, что Михаил Лютоев амнистирован, что он командируется в Москву в распоряжение Главка, а конфискованные деньги переводятся на его лицевой счет.

Разведшкола находилась в Подмосковье, размещалась в небольшом городке, обнесенном высоким забором, и имела мудреное название, которое трудно было запомнить.

Жилые комнаты были одноместными. Тренажерные залы, аудитории имели обычное оборудование – без роскоши и излишеств. Спортивные и повседневные костюмы были добротными.

Михаил Лютоев никогда не бывал в подобных учебных заведениях и с интересом знакомился с обстановкой. В первый же день его познакомили и с шефом. Это был мужчина высокого роста и с мягким голосом. При знакомстве он произнес всего три слова: “Будем дружно работать”. Он попросил звать его Василием Ивановичем. “Как Чапаев”, – подумал Миша. Позднее Лютоев узнал, что Василий Иванович достаточно крепкий мужчина и очень смелый. Его в школе все уважали.

Силовые занятия и физические тренировки проходили в утренние часы, теоретические занятия – после обеда. Чему же тут учили? Лучше спросить, чему здесь не учили ... Не было тут строевых занятий и штыкового боя, все остальное изучали. Все виды борьбы, включая и самбо, борьба с огнем, минирование и разминирование, стрельба из всех видов оружия, ориентирование на местности, плавание и спасание на водах, езда на всех видах транспорта, работа с аудио и видеотехникой, преследование “противника”, бои местного значения – вот далеко не полный перечень практических занятий. Что касается теории, то этот список по количеству удваивается. Изучаются все наиболее крупные страны, их строй, партии, государственные деятели, экономика, крупные фирмы и производственные объединения.

Далее идут такие предметы, как политэкономия социализма и капитализма, марксизм-ленинизм, география, языки, математика, физика и химия. И т.п., и т.д. Особенно любил Миша занятия по шифровке. Теорию он усваивал легко. Его цепкая память схватывала все легко. Зато физические упражнения и борьба его изматывали до полусмерти. Он так уставал, что засыпал, хотя голова еще не касалась подушки. Утром же вставал в таком состоянии, как будто спал всего 1-2 часа. Так было почти месяц - полтора.

Однако ранняя закалка превозмогла все. Через два месяца он уже был не ниже кандидата в мастера спорта, а по самбо превзошел все ожидания: любое оружие в руках "противника" оказывалось ненужным, так ловко он выбивал его из рук нападающего. Одним словом, Лютоев становился тем человеком, о котором его отец говорил так: "Ты, Миша, будешь непобедимым". Почему отец так хвалил своего сына, я не знаю, но сын оказался таким, каким хотел его видеть отец.

Я уж не пишу о стрельбе: все коми парни у нас метко стреляют, но Миша Лютоев и тут отличился: при стрельбе лежа, стоя, сидя, через ноги, "из кармана" он ухищрялся занимать призовые места.

Творчески он освоил и шифровальное дело. Решая задачи по дешифровке, он всегда оказывался первым. Поэтому над ним смеялись, говорили, что ему не только Бог, но и сам Дьявол помогает.

Однако Миша хотел чем-нибудь отличиться от других. Он вдруг вспомнил, что его двоюродный брат, тоже Миша, мог подтягиваться на двух пальцах. И наш "герой" начал усиленно тренироваться тайком от всех. Ежедневно пять раз в сутки он подходил к трапеции и проделывал десятки упражнений по закаливанию пальцев. Оказалось, что это чертовски трудная работа. Только через три месяца что-то стало получаться, а по-настоящему осилил эту работу через 5 месяцев.

Трудно описать, что было, когда на одном из физических занятий предложил свой трюк. Стоял гомерический хохот, как падали опозоренные разведчики с трапеции после того, как они пробовали подтянуться на двух средних пальцах. Двое даже крепко пострадали: они получили травму – растяжение пальцев. После этого "пробы" прекратили, а Михаила признали победителем. Многие допытывались, как и почему у него получается. Миша не стал подробно рассказывать, махал рукой и говорил, что он этим занимается с детства.

Однажды после изнурительных тренировок Михаил быстро уснул, и ему приснился удивительный сон. Как будто он на берегу Вычегды, а из воды выходит его отец. Такой же молодой, как в 30-е годы, подтянутый, улыбается. Они поздоровались. Михаил спросил:

- Отец, ты разве живой? Говорили, что ты где-то утонул. Расскажи, как это случилось.

- Да, я утонул, – говорит Владимир. – Не хочется об этом вспоминать. Но теперь я живу хорошо. Все знаю о вас. Даже знаю, в какой ты школе учишься. Твоего брата Николая не встречаю. Погибшие на войне живут отдельно ...

- А ты, отец, можешь предсказать мою судьбу?

- Могу, конечно, но нам не разрешают говорить об этом своим родным. Если я расскажу, то твоя жизнь будет бессмысленной. Главное, будь

смелым и честным, ничего не бойся, и все будет прекрасно. Ладно, долго с тобой находиться не могу. Прощай! Не забывай меня! ...

И он исчез, как будто испарился.

Видимо, от больших переживаний Михаил проснулся. Все мысли были об отце. Корил себя за то, что не спросил его, где он живет. По виду же он понял, что отец не страдает и чувствует себя превосходно.

Михаил Владимирович с детства не верил в Бога. Теперь же все его тело ныло, от чего-то страдало. Он чувствовал, что как будто заряды электрического тока блуждали по его изнывающему телу. Что это такое? Как понимать слова отца? Где же теперь он? – эти вопросы бесчисленное количество раз он задавал себе. Ответов же не было. И никто не мог ему помочь.

После подъема он хотел поделиться с кем-нибудь мыслями, но передумал, боялся, что его засмеют. Вот когда он понял, как нужны ему именно теперь его старшие двоюродные братья. "Где вы теперь, мои дорогие?" – почти в голос промолвил он, хотя занимался совсем другим делом.

Сегодня у него большая проблема: он должен выступить перед группой с рефератом на тему: "Живучесть разведчика". Ему сказали заранее, что сегодня в его руках карьера разведчика М. Лютоева. Правда, он теперь привыкает к другой фамилии – Гобанов. "Принесет ли ему удачу эта фамилия?" – вот вопрос. В реферате об этом он тоже пишет.

Когда Миша произносил слова "разведчик", из-под сознания всегда выскакивает другое слово – "шпион". Но он не согласен с этим словом, и диалог с ним завершает так: "Амба! Я – "разведчик" и никаких "шпионов"! После этого он успокаивается, хотя и на следующий день этот нахальный "шпион" снова возмущает его спокойствие.

Выступление М. Лютоева на тему "Живучесть разведчика" почти всем понравилась. Особенно похвалили его за слова: "Живучесть разведчика заложена в голове и руках самого разведчика. Если он того хочет, то будет "работать" и 10, и 20, и 100 лет". Даже вспыхнули аплодисменты.

Заканчивая реферат, Михаил сказал, что он не учел один момент, который называется "несчастным случаем". "Но это уже в руках Бога, – продолжил он, – хотя это слово мы вспоминаем редко, а надо бы – чаще".

Он думал, что "за Бога" будут журить, но пронесло: никто из оппонентов об этом не вспомнил. Только Миша про себя сказал: "Отец мой постарался".

За реферат он получил отличную оценку. Понравилась слушателям и манера докладчика говорить "без бумажек", потому что весь текст он знал наизусть.

Надо было ожидать, что скоро будет “выпускной бал”. Конечно, никакого бала не было! Здесь выпускают не группами, а в одиночку.

Скоро повели Михаила к начальству. Фактически это были “смотрины”: начальство решало, можно ли поручать новоиспеченному разведчику дело.

М. Лютоеву задали один вопрос: “Готов ли ты выполнить приказ Родины?” Он отвечал так:

- Физически и теоретически я готов взяться за любое задание. Однако чувствую, что мною усвоенного опыта недостаточно. И я прошу назначить мне “стажировку” у опытного разведчика. Я все-таки все секреты этого сложного процесса еще не усвоил.

Членам комиссии ответ понравился. И они решили уважить просьбу нового сотрудника. Сказали, что через несколько дней найдут “опытного учителя”.

Однажды в комнату Михаила Владимировича вошел человек небольшого роста, представился Иваном Павловичем и добавил, что он назначен его наставником. Михаилу показался он подозрительно молодым, но чтобы долго не гадать, собеседник сказал, что уже в течение 25 лет он прослужил в разных странах в качестве разведчика.

При первом же собеседовании новый знакомый взял “быка за рога”. Он задал вопрос: “Вдруг ты узнал, что тебя “осветили”. Какими будут твое решение и твои действия?” Михаил опешил: он не ожидал такого вопроса. Но внезапно вспомнил разведчика Р. Зорге. Чем же отличался этот разведчик от остальных? У него были стальные нервы и абсолютная уверенность в правоте своих поступков. Он заранее готовил железные доказательства в свое оправдание.

И Михаил успокоился, не растерялся и начал излагать ход своих мыслей и действий:

- Прежде всего узнал бы, откуда исходит угроза, что известно моим противникам и как быстрее уничтожить материалы, которые работают против меня. Главное же, каким временем я располагаю. Далее, сообщаю сигналом своему напарнику (помощнику), а такой человек у меня будет обязательно, что должен делать он. И без всякого промедления начинаю действовать. А эти действия будут решительными ...

- Стоп, стоп! – вдруг воскликнул наставник. Первым делом ты должен передать сигнал тревоги своему шефу, а такой сигнал надо иметь в любых условиях, в любой обстановке ...

Долго еще беседовали начинающий разведчик и его наставник. Видать, они понравились друг другу, потому что то и дело слышались одобрительные реплики со стороны старшего.

И так изо дня в день продолжались эти занятия. Мало сказать, что они были плодотворными: они были творческими. В решении многих проблем они руководствовались не только историческим опытом талантливых разведчиков, но и вносили свои задумки.

Так продолжалось больше месяца. А однажды Иван Павлович торжественно объявил, что он доволен своим учеником и готов расписаться, что у него все должно получиться отлично. Тут же они решили устроить небольшую вечеринку. Иван Павлович похвалил своего ученика: "Ты мне понравился, парень! Надеюсь, что из тебя будет толк, и мне не придется краснеть за тебя".

Дело близилось к выпуску. Михаил получил "легенду", что он должен сказать родным, знакомым и руководству предприятия, где он работал. Все было подогнано, что "комар носа не подточит".

Деньги Лютоеву вернули, за исключением вычетов в размере 12 %. Это вроде налога. Михаил попросил съездить в Сыктывкар к своему двоюродному брату.

В Сыктывкаре Миша даже мне, автору этой книги, не рассказал всю правду. Позднее, конечно, я узнал всю историю, но это другой разговор. Он долго уговаривал меня взять деньги за проданные алмазы, но я не согласился. Сказал ему так:

- Пока я ни в чем не нуждаюсь. Потребуются деньги, я попрошу, а ты используй их в деле, чтобы они не были мертвым капиталом. Я думаю, что мы еще много раз встретимся. Может, когда-нибудь ты пригласишь меня в гости. Буду ждать.

Михаил поехал в Германию. Ему никуда внедряться не надо было: он и так туда внедрен навечно, поэтому ему устроиться было легче, чем другим разведчикам. А дела предстояли, безусловно, большие. Германия – это сердце Европы, а дела в Европе во многом будут зависеть от той политики, которую предложит Германия.

Конечно, о Мише Лютоеве можно говорить часами, но я хочу в конце этой главы рассказать об одном случае, который как нельзя лучше говорит о нем, как о порядочном человеке.

Шли занятия по огневой подготовке. Метали в цель боевые гранаты РГД. Это оружие очень коварное: в любую минуту оно может выскользнуть из рук. Так тут и случилось. Один из курсантов приготовился к броску гранаты. Он вытащил чеку, следовательно, поставил гранату на боевой взвод, однако, его рука оказалась потной, и граната выскользнула из рук. Она покатилась под уклон. Через считанные секунды она должна взорваться, а там 6 человек, среди них и Миша. Он как раз смотрел на руки курсанта и увидел, как граната покатилась. Он рывком бросился к гранате, поймал ее и выбросил. Раздался взрыв, но он уже был не опасным людям.

Этот случай я еще вспомнил потому, что со мной произошел такой же случай. Ночью гитлеровцы напали на наши позиции. Мы же ночами не спали и готовы были к бою. Дав очередь из автомата, я беру гранаты из ниши окопа, и бросаю в сторону нападающих. Одна из гранат тоже выскользнула из рук, как только я вытащил чеку. В темноте не видно, куда она упала. Где она? Как ее найти в этом мраке? Однако спасаться надо. Я знал, что окоп тянется зигзагом, и что справа начинается изгиб. Я туда. Раздался взрыв, но я успел спрятаться за изгиб.

Как говорится, Бог спас от неминучи. А в случае с Мишей – он спас своих друзей.

Глава 14

Случилось неслыханное! Михаилу Лютоеву вернули конфискованные доллары. Ему так и сказали в КГБ: “Это не в наших правилах, но мы вам возвращаем ваши деньги. Правда 12 % удержали, но это мелочи. Перечислили в сберкассу, можешь получить наличными или оформить сберкнижку. Деньги тебе пригодятся. Да и надо вернуть законным наследникам, если они примут”...

На другой же день Михаил Владимирович пошел в указанную сберкассу, решил оформить книжку, а тете он отдаст русскими деньгами, благо их у него немало: ему выдали зарплату, подъемные и на предстоящие расходы по службе!

В кассе народу было немного, и на всю процедуру ушло не более получаса.

На выходе из сберкассы к нему подбежала плачущая девушка и попросила помочь втащить ее брата в машину, потому что он попал в аварию. Миша побежал за девушкой. Около черной машины лежал окровавленный человек. Миша взял его за голову. Подбежали еще двое мужчин. Лютоев был впереди и осторожно втянул раненного в машину. Как только он посадил пострадавшего, остальные засуетились: один из мужчин сел за руль, другой – на заднее сидение, а девушка – рядом с шофером. Машина рванула. Миша внезапно ощутил, что в него воткнулись два пистолетных ствола. “Раненный” улыбнулся и сказал спокойно, без злости:

- Прошу не дергаться. Ты задержан, подробности потом, а пока сиди тихо, если, конечно, хочешь жить.

Миша улыбнулся: Он хладнокровно оценил сыгранный с ним “спектакль”. Да, он был для них удачным. Сумели обмануть “старого волка”, который прошел фронт, немецкий плен, а в последнее время даже стал разведчиком, получив чин капитана ... Одновременно он очень внимательно следил за дорогой, запоминал улицы, сооружения и все достопримечательности. Они уже минули кольцевую дорогу и ехали по дачным поселкам. Сделали несколько поворотов и остановились у двухэтажного дома.

Вышли из машины. Мише приказали войти в дом. Завели в подвал, вошли в небольшую комнату. За конвоирами вошел седеющий мужчина. Он вежливо поздоровался и сказал:

- Вас мы немного побеспокоили. Но уж такова наша работа. Прошу выложить деньги и документы.

- У меня денег нет, вот только немного советских рублей, а доллары все на сберкнижке, – ответил Миша и положил на стол свою сберкнижку.

- Как же так?! – воскликнул вожак. – Мне же доложили, что у вас большая сумма баксов.

Миша подумал: "Неужели в сберкассе есть осведомитель, который сообщает бандитам операционные секреты? Тут нужна большая осторожность"... Ответил же так:

- Вот так: наличных денег у меня нет.

- Это меняет дело, – закончил беседу вожак, – придется завтра получить наличные и передать моему человеку. Только прошу вас – без фокусов, иначе придется нам тебя ликвидировать, хотя не хотелось бы этого делать. Все зависит от вас. До завтра!

Вожак ушел, за ним и другие. Дверь же снаружи заперли.

Оставшись один, Михаил задумался. Надо было наметить ясный план, как вырваться отсюда. Внезапно в голове вспыхнули слова одной песни:

"Как мало пройдено дорог,
Как много сделано ошибок!.."

"Да, дорог пройдено не так уж много, – подумал он, – а ошибок, истинно, много ... Были ошибки в детстве, во время учебы, в период коллективизации, в "Сибирской ссылке" и главная – он не сумел убедить своего брата Николая в том, чтобы тот воспринимал жизнь такой, какой она была на самом деле. Они много спорили, иногда дело доходило до драки, но каждый оставался при своем мнении: он – за советскую власть, Николай – против этой власти. Коля был неплохой парень, трудяга, каких мало, однако после начала коллективизации и после того, как их раскулачили, он Советам стал врагом № 1 ... Ошибки, ошибки ... Но нельзя мне допустить ошибку сегодня. Эта ошибка будет стоить жизни..."

Потом он приказал себе думать только о завтрашнем дне. После долгих раздумий он составил два варианта избавления от бандитов.

Вариант первый. Если завтра повезут меня на этой черной Волге, то со мной поедут четверо: двое остаются в машине, двое заходят со мной в сберкассу; один из них остается у дверей, другой будет со мной. Я подхожу к контролеру и передаю ему сберкнижку и записку такого содержания: "Меня захватили бандиты: один из них рядом со мной, другой – у дверей, двое у машины № 32-02. Немедленно звоните в милицию, вызывайте наряд. Вначале пусть захватят машину. Я с этими справлюсь сам. Вместо денег подготовьте "куклу". Действуйте быстро!"

После этого я поворачиваюсь к "своему" бандиту и прошу его дать закурить. Контролер после того, как позвонит, передаст бумаги кассиру; тот

оформляет “куклу”. Я получаю “куклу”, и мы идем к выходу. Поравнявшись со вторым бандитом, я ударом ладони по горлу сбиваю бандита с ног, хватаю его пистолет и направляю его в сторону другого бандита; если тот не поднимет рук, стреляю в него.

Вариант второй. Если после передачи записки контролер окажется осведомителем, я поворачиваюсь к бандиту, глушу его “моим коронным ударом”, обезоруживаю и стреляю в бандита, который у двери. После этого закрываю входные двери кассы и звоню в милицию. Если же всполошатся бандиты у машины, открываю огонь по ним, а сам командую, чтобы вызывали милицию.

Михаил написал записку, свернул в трубочку и спрятал в дырочке на рукаве.

Через какой-то час двери открылись, и девушка принесла на подносе похлебку, хлеб, кусочек колбасы и чай. Это было кстати: Михаил успел проголодаться. Он хотел поговорить с ней, но девушка на вопросы не отвечала.

Ночью, конечно, Миша не спал: он во второй, пятый, десятый раз обдумывал в деталях планы завтрашних действий.

Назавтра жильцы дома зашевелились рано. Были слышны голоса, крики и шум отъезжающих машин. Наверно, случилось непредвиденное. Мишу никто не тревожил. Лишь часов в десять утра ему принесли завтрак. Девушка по-прежнему на вопросы не отвечала.

Так прошел день. Пленника никто не беспокоил. Лишь принесли обед, а позже – ужин.

Прошла и вторая беспокойная ночь.

Утром следующего дня пришел вожак и сказал Михаилу:

- Вчера у нас был горячий денек, но все обошлось путем. Сегодня вы поедете в сберкассу. Тебя будут сопровождать четверо. Я понял, что вы человек смышленый и глупостей не наделаете. Получив деньги, вы передадите моему человеку. Вас же отвезем недалеко, оттуда вы сумеете без труда вернуться. Если все будет “о кей!”, вашей жизни ничто не угрожает. Однако, будьте умницей!

Вскоре пятерка пассажиров на черной Волге двинулась к Москве.

Все случилось так, как предполагал Михаил. Машина остановилась у сберкассы, двое остались в машине, а трое зашли в помещение. Михаил двинулся к контролеру. Очередь была небольшая. Вытащив записку, Миша передал ее вместе с книжкой контролеру. Бандит не выражал особого интереса. Прочитав записку, контролер уставился на Михаила. Он кивнул головой. Контролер пошел в другую комнату. Вернувшись, он подмигнул Лютоеву и начал оформлять документы. Передал их кассиру. Тот занялся своим делом, т.е. стал оформлять “куклу”.

Когда Миша взял “куклу” и в сопровождении “телохранителя” двинулся к выходу, на улице возник какой-то шум, но на это никто не обратил внимания. Поравнявшись со вторым бандитом, Миша передал “куклу” сопровождающему, а сам молниеносно ударил его ладонью в горло, одновременно схватив его пистолет. С возгласом “Руки вверх!” Лютоев прицелился в бандита, который стоял у двери. Тот замешкался. Этого было достаточно, чтобы оглушить его и обезоружить. А в двери уже ворвались милиционеры.

На бандитов надели наручники. Михаил попросил собрать всех работников сберкассы. Им он сказал следующее:

- Среди работников сберкассы есть осведомитель, который связан с бандой. Надо его выявить и обезвредить.

Два милиционера остались в сберкассе, а все остальные пошли на выход. Троих бандитов отвезли в отделение, оставили лишь шофера, который будет вести машину. Две милицейские машины сопровождали черную Волгу. Надо было быстро захватить всю банду.

Когда до места осталось метров 400, все машины остановились. Провели летучее совещание, как лучше захватить логово бандитов.

Подошли тихо. За какие-то полминуты дом окружили. Стоявший на часах бросился бежать, но его догнала пуля. Стражи порядка ворвались в здание. Главарь банды скрылся, остальные сдались без боя. Тут же начали выяснять, где находятся другие машины и сколько там человек. Полетели срочные приказы об их задержании. Арестовали 14 человек. Нашли много денег, ценностей и около 20 стволов оружия.

Когда Михаил Лютоев вернулся в свое ведомство, его, конечно, похвалили за удачную операцию, однако добавили, что это “не его стихия”. Ему предложили быстро уехать в Германию, даже не разрешили заехать к тете Шуре. За вещами послали другого сотрудника, который все его имущество доставил в аэропорт. Таким же образом получили и доллары в сберкассе. Внешность Михаила изменили: приклеили усы, бородку, одели новый костюм. И ближайшим рейсом он должен лететь в Германию.

В сберкассе осведомителя все-таки обнаружили: им оказался охранник своего же учреждения. Узнали и то, что было приказано после получения денег Михаила расстрелять в укромном месте и там же тайком похоронить. Так наш Михаил Владимирович избежал смертной казни.

Глава 15

Таким образом, главаря банды не нашли. Мало кто из преступников знал, что в здании существовала так называемая “пещера”. Вход в нее был тщательно замаскирован. Туда и устремился “наш герой”. О нем следует рассказать подробнее.

Сергей Соломонович Ракк, или, как его знали, Сергей Иванович Петров родился в 1910 году в Одессе. Отец его был еврей, а мать – русская. В суматохе гражданской войны Соломона Абрамовича убили, и Сергей стал беспризорником. Еще подростком он слышал о знаменитом Япончике и восхищался им. Он хотел быть таким же смелым, хитрым и удачливым в воровском мире. Но скоро он узнал, что большевики расстреляли Япончика. Наш герой приуныл, однако решил сколотить свою банду из беспризорников. В период НЭПа они успешно орудовали, но в конце 20-х годов банда распалась: почти вся команда оказалась в колонии. На свободе остались лишь двое – Сергей Ракк и его друг Слава Прыгун. Они решили податься в Москву. На ближайшее время деньги у них были.

Им повезло: на окраине Москвы они нашли приют у одного вдовца, жена которого недавно умерла. Хозяин работал в кочегарке и двух молодых мужчин устроил туда же. Такая работа их не особо устраивала, но надо было потерпеть. И, правда, терпение помогло: через полгода они оба попали на курсы сантехников и получили неплохие специальности. Это уже было кое-что!

Сергей и Слава попали в одну бригаду, и тут они почувствовали, какое прибыльное дело – быть сантехником. Смышленые молодые специалисты усекли, что главное в их работе – это качество, это прекрасная работа всей сантехники, которую они обслуживают. И посыпались благодарности, “чаевые”, а позже и продвижение по службе. Одним словом, за какие-то два-три года они нажили большой авторитет. К тому же, они дали слово – спиртное не употреблять.

А там и жилье: оба получили квартиры в Денежном переулке. Слава женился. Но у Сергея было особое мнение об этом. В какой книге он вычитал, что 90 тайных и уголовных дел проваливаются из-за жен. Конечно, близкие связи с женщинами он имел, но с одной особой был обычно связан не более 2-3 месяцев. Потом находил другую и считал, что он ведет идеальную семейную жизнь.

Но однажды он чуть не споткнулся. Познакомился он с одной медсестрой, звали ее Розалией Антоновной, и его принципы полетели в тартарары. Это было чудо! Всегда ласковая, милая, дружелюбная и всегда довольная. А хозяйка – все у нее горело в руках: за какие-то 25 минут обед

уже готов. Иногда кажется, что в доме нет никаких продуктов, а смотришь: на столе уже все шипит и скворчит. А секс? У мужчин бывают причуды – захотел в самое неудобное время и в неподходящем месте, а она не то, чтобы отказать, а улыбнется, прижмется, обхватит шею и он получает такой поцелуй, что глаза темнеют. После секса Сергей был всегда на седьмом небе.

Проходит год, два такой идиллии, и он однажды предложил ей оформить бракосочетание. А она:

- Сергунчик, зачем всю эту канитель? Разве тебе плохо без этого? Петушок мой, ты что, недоволен мною? Пусть будет все по-прежнему! Я люблю тебя страстно и страшно ...

Но судьбе было угодно безжалостно взорвать это счастье: Розалии не стало ... Она погибла в автокатастрофе ...

Сергей загрустил. Но жизнь – есть жизнь: молодой организм потребовал ласки и любви. На этот раз Сергей попросил своих товарищей познакомить его с непорочной девушкой, которая бы еще не знала мужской ласки.

Деньги и дружба делают чудеса. Такую девушку нашли. Девушку звали Татьяной. Я это имя люблю не только за то, что его обессмертил Александр Сергеевич Пушкин, но за то, что это имя звучит очень лирично: Таня, Танюша, Танечка ...

Оставшись одни, когда друзья ушли, Сергей спросил ее:

- Танюша, ты не боишься, что сегодня уже не будешь девушкой, станешь женщиной?

- Нет! – отвечала она. – Я давно ждала этого. Я буду рада, что смогу и тебе и себе подарить счастье любви.

Они зажили, однако Сергей почувствовал, что это не Розалия. Через три месяца они разошлись. После этого он имел связи со многими женщинами, но ни разу дело не доходило до женитьбы.

А тут началась война. Ни Сергей, ни Слава в армию, конечно, не попали, но город по-своему защищали: тушили пожары, восстанавливали сантехнику.

Безусловно, они видели, как зашевелились банды, как ожили уголовники. Им хотелось больше разбогатеть на народном горе. Спасибо Сталину, который издал драконовский приказ об уничтожении на месте бандитов, которые попытаются грабить народ. И многие сотни уголовников попрощались с жизнью, многие банды были уничтожены.

Сергей и Слава, конечно, не стали безгрешными, но они не врывались в жилые дома, а спокойно заходили в заброшенные квартиры. А таких были тысячи. Они брали самые ценные вещи, а громоздкие не трогали. Ценностей у них накопилось более чем достаточно. Тогда и задумал Сергей

построить себе такую вот крепость с подземным входом. Войну надо было переждать.

Лишь после войны он стал усердно подвозить стройматериалы и копошиться в земле. Здание с виду получилось небольшим, двухэтажным, зато подземные бункеры были солидными. Самым же ценным была "пещера" с подземным входом и выходом.

Очутившись в "пещере", главарь банды задумался, почему фортуна изменила ему. Да и "дело" было пустяшное, многократно проверенное, хотя какое-то нехорошее предчувствие было. Ему чем-то не понравился этот Лютоев. Слишком уж пронзительными были его глаза. И какая-то внутренняя сила чувствовалась в нем. Но разве он мог подумать, что четыре человека не справятся с ним. Как только его черная Волга появилась на улице, он сразу понял, что дело – "табак", потому что после выполнения задания его дружки всегда звонили о результатах. Звонка же не было, а тут – машина. Он и побежал в "пещеру", чтобы спастись. Теперь, конечно, он "свою крепость" потерял. А труда сколько было вложено! И он дал клятву – отомстить, уничтожить этого Лютоева.

В "пещере" продуктов питания и воды было запасено на 6 месяцев. В этом плане хозяин был спокоен. Но вдруг кто-нибудь из его дружков знает о "пещере" и не выдержал на допросе!? Поэтому долго здесь задерживаться нельзя. Конечно, милиция устроит здесь засаду. Но мы тоже не лыком шиты! Так рассуждал атаман банды.

Сергей решил пару дней не выходить из "пещеры". Кое-какие звуки доносились из здания, но он не хотел демаскировать себя.

Конечно, ночью можно было уйти на волю или попасть в здание, но он не знал, сколько человек сидели в засаде.

Через два дня главарь банды решил уйти из "пещеры". Он переоделся, изменил свою внешность и вышел подземным входом. В городе жили члены его банды, но он боялся засад и не стал рисковать. Были дружки и в милиции. Одному из них он позвонил. Ему сообщили:

- Всего арестованы 20 человек, в том числе и осведомитель из сберкассы. Главного виновника несчастий Лютоева опекает и защищает КГБ. Надо быть осторожным. По сведениям, он улетел в Германию. Думаем, что это специальный агент КГБ.

Да, потери большие. Это трагедия. Слабый человек бы застрелился, но не такой хлюпик Сергей Ракк! По телефону он вызвал своего дружка, который не участвовал ни в каких операциях, и ему передал подробную инструкцию для Славика, своего помощника, который лежал в больнице. Сам же решил поехать в Германию. Кроме того, он узнал, что Лютоев под фамилией Готфрид улетел во Франкфурт-на-Майне.

У Сергея Ракк документы были оформлены на все случаи жизни, и он свободно достал билеты на Франкфурт. На него не обратили никакого внимания. Если и следили за ним, то совсем в другом месте.

Кажется, что по одной фамилии найти человека в Германии все равно, что найти иголку в стоге сена. АН нет! Сергей Ракк был другого мнения. Во-первых, он хорошо знал немецкий язык, во-вторых, у него и здесь был дружок, да такой, что и в стоге сена иголку отыщет. Поэтому наш гость поехал сразу же в Мюнхен, где жил его дружок. Там он быстро отыскал своего человека.

Через пару дней Сергей Соломонович уже знал, что в Мюнхене более сотни Готфридов, в Нюрнберге – чуть меньше, встречаются и в других городах и весях Баварии, т.е. южной Германии. Но "следопыты" не теряли надежды, потому что у человека, которого они ищут, есть очень заметная примета – он выходец из России. Немцы же – народ культурный: у них о человеке записано все, вплоть до четвертого колена.

Неудивительно поэтому, что на четвертый день перед Сергеем Ракк лежал уже листок бумаги, где было записано, что Мишель Готфрид живет в Нюрнберге по такому-то адресу и работает на предприятии Сименса.

Михаил Лютоев не удивился, когда получил записку, где было написано: "Герр Готфрид, мне очень нужно с Вами встретиться. Имею возможность сообщить Вам важные сведения. Доброжелатель".

Правда, Миша отметил про себя, что этот "Доброжелатель" очень уж торопится.

Здесь надо пояснить, что как только Лютоев прибыл в Нюрнберг, он встретился в условленном месте с резидентом. Тот дал ему инструкцию по работе и задание, над чем надо работать в ближайшее время. Далее добавил, что к нему пока на три месяца выделяются два тайных телохранителя. Без них ему нельзя выходить из дому.

Миша Лютоев позвонил своему телохранителю, что его запиской вызвал какой-то "Доброжелатель" в скверик. Добавил, что это наверняка из России. Тот обещал сразу же явиться в скверик.

Михаил пошел к своему "Доброжелателю". Тот сидел за столиком и читал газету. Правая рука была в кармане пальто. Миша сразу же узнал своего "гостя". Миша сел. Говорить начал Сергей Ракк:

- В прятки играть не будем. Мне нужно знать, кто приказал ликвидировать мое хозяйство. Врать и вызывать на помощь не надо: в моей руке заряженный пистолет.

Лютоев заметил, что телохранитель подошел к соседнему столу. Своему собеседнику он сказал так:

- Это произошло совершенно случайно. Никто не приказывал вас ликвидировать. Вы сами себя ликвидировали. Мне, безусловно, жалко

отдавать свои 23 тысячи долларов. Да и скажу, что эти деньги священные: их мне подарила моя тетя Маша. Подарила своему племяннику, хотя у нее шесть живых сыновей. Поэтому эти деньги я должен был хранить, а не дарить таким, как вы. Помогли же вас наказать ваши же помощники: они плохо исполняли свои задачи.

- Все ясно, – сказал главарь бандитов, – но вас-то мы должны все-таки наказать. Для этого и сижу я с вами рядом.

- Я вас не приглашал, но мы можем обсудить и твой вопрос, – молвил Михаил и глазами отдал приказ телохранителю.

Тот подошел тихо, ударом оглушил бандита и быстрым движением обезоружил его. Кроме пистолета нашли у него финский нож. Из кармана вытащили документы и деньги. Надели на него наручники. В это время второй телохранитель пригнал машину, и "гостя" втащили туда. Машина покатила к условленному резидентом месту. Надо было решить, что делать с этим бандитом.

Скоро Миша заметил, что Ракк пришел в сознание. Лютоев задал ему вопрос:

- Сергей Иванович, кто помогал тебе найти меня? Без посторонней помощи ты не смог бы попасть сюда.

- Я тебя недооценил, – ответил Сергей. – Конечно, мне помогали, но об этом я не скажу ни слова.

- Тогда пеняйте на себя! – воскликнул Лютоев. – Я надеялся, что мы сумеем договориться, а теперь вижу, что зря теряю время. Придется вас ликвидировать.

- Стойте! Зачем так круто? – опешил бандит. – Мы еще можем с вами договориться. Вот адрес моего помощника.

Он продиктовал адрес, номер телефона, имя и фамилию. Сразу же с ним связались по телефону. Сведения оказались верными.

Позднее через ГДР Сергей Ракк был этапирован в Советский Союз. Его судили. Он получил большой срок отсидки в местах заключения строгого режима.

Банда Сергея Ракк постепенно была полностью ликвидирована. Слава, помощник главаря, после излечения пытался восстановить банду, однако вскоре его арестовали. Он получил тоже большой срок.

Глава 16

После того, как Михаил Лютоев вложил 50 тысяч долларов в предприятие Сименса, его мнение и его голос стали более весомыми. На эту сумму он получил акции, а эти акции почти во всем мире считались надежными.

Во многие десятки стран отправлялись электромоторы и другие изделия, и механизмы с маркой “Сименс”. Эти механизмы были надежными, изящными и пользовались большим спросом. Так что Михаилу работы хватало. Он без устали по служебным делам посещал Францию, Англию, Нидерланды, Испанию и другие страны.

Его стали знать во многих местах, с ним стали считаться. И выражения: “Готфрид сказал”, “Готфрид согласен”, “Готфрид предложил” – имели большой вес. Он стал незаменимым человеком у “Сименса”. В то же время большие надежды на него возлагала Москва. “Холодная война” не позволяла секретным службам “ржаветь” и отсиживаться. Все возможности использовались только для того, чтобы узнать, какие козни вынашивает Америка, какие тайные вопросы обсуждает английский парламент, что снова может выкинуть Франция или Китай. Обо всем об этом надо узнавать и узнавать из первых рук. Особенно всех интересовали проблемы изготовления нового смертоносного оружия, новых средств защиты от атомных бомб.

Огромная ноша была взвалена и на плечи Михаила Лютоева. 24-х часов в сутки ему явно не хватало, чтобы справиться со всеми проблемами, возложенными на него. Разведчик – фигура незаметная, но одно его слово иногда стоит тысячи долларов.

Миша, конечно, понимал, что гонка вооружений ложится непомерным бременем для Советского Союза. Народ живет проголодь, и в то же время приходится все туже и туже подтягивать пояса. Это трагедия. Но как все это изменить? Что делать? Эти вопросы мучили его. Он, конечно, выполнит все задания, какие получит. Миша был на 100 процентов уверен, что руководители Советской страны правы во всем и действуют на благо народов.

Все секретные задания новый разведчик выполнял добросовестно. В этих целях он объехал уже почти всю Европу. Формально командировки были предусмотрены предприятием “Сименса” и нужны были ему, но Миша ни на минуту не забывал и задания Родины.

Однажды он внезапно вспомнил о своем спасителе, о майоре Готфрид (он теперь полковник в отставке). О нем он всегда вспоминал с благодарностью. Вспомнил потому, что бывал у него, он много раз слышал, что тот коллекционирует образцы оружия. До этого Лютоева не интересовала

эта тема. А теперь? Это же очень интересно, над каким оружием работает мир.

В ближайший свободный день он уже был в Мюнхене у своего дяди (он так называл его – "дядя Пауль").

Поговорив о служебных и родственных делах, Миша спросил:

- Дядя Пауль, почему ты ни разу не показал мне свою коллекцию?
- Мой Бог, да с удовольствием, – ответил он. – Ты что-то раньше не интересовался этими вещами. Я и не предлагал. Пошли, пошли, я с радостью покажу свое богатство.

Когда они вошли в помещение, где хранилось собранное оружие, Миша удивился: здесь во всем великолепии сверкали, блестели танки, бронемашины, орудия, минометы ... Некоторые из них устрашающе "ринулись" в бой, но застыли, получив внезапный приказ о прекращении сражения. Наверху же в подвешенном состоянии парили в воздухе десятки самолетов. Тут же была оборудована панорама танкового сражения под Прохоровкой в годы Отечественной войны. Миша вспомнил, что в этих боях участвовало более тысячи машин с обеих сторон. Впечатление было ошеломляющее.

На стеллажах спокойно восседали различные виды стрелкового оружия.

На отдельных столах лежали толстые альбомы, где были не только фото, чертежи и рисунки о различных видах оружия, но и все сведения о них, в том числе и секретные. Например, о танках даны такие данные: виды вооружения, боекомплект, скорострельность, зона поражения, экипаж, толщина брони, уязвимые места танка и т.п.

Михаил с особым интересом прочитал сведения о танке "Т-34". Казалось, что вражеский офицер писал об этом с восторгом и любовью. Читаем: "Советский танк "Т-34" в годы второй мировой войны был лучшим. Трудно сказать, что бы было, если бы не он. Генеральным конструктором этого танка был русский инженер Михаил Ильич Кошкин (родился 3 декабря 1889 г., умер 26 сентября 1940 г.). Работал он с 1934 г. Вначале ему поручили совершенствовать быстроходные колесно-гусеничные танки Т-29 и Т-46-5. Но талантливый изобретатель видел, что латай не латай эти образцы, боевой современной машины не получишь. И в 1937 году он взялся за создание своего танка на гусеничном ходу. Именно своего: все он создал заново, даже помог выплавить особый сорт стали для этого танка.

В марте 1940 года два Т-34 были готовы. Кошкин решил их доставить в Кремль своим ходом (изготовляли же их в Ленинграде). Ехали по проселочным дорогам. Сам Кошкин ехал на первой машине. Через Москву ехали ночью. В ночь на 17 марта танки через Спасские ворота въехали в Кремль. Танки признали шедеврами. Сам Сталин сказал, что эти машины

будут ласточками в танковых войсках. Т-34 отправили в серийное производство. Однако сам генеральный конструктор заболел и умер.

Там же была помещена цитата американского журналиста, который писал: "Если оценивать, кто внес наибольший вклад в победу союзников во второй мировой войне, то наряду с именами Рузвельта, Черчиля и Сталина следует назвать имя конструктора русского танка Т-34".

Далее в этом альбоме Миша прочитал: "В настоящее время производят реконструкцию "тридцать четверки". Надо ожидать, что в ближайшее время войдут в строй "дети" и "внуки" знаменитого танка Т-34".

Книга эта пишется в 2000-м году, и сегодня действительно пополнили войска "дети" и "внуки" "тридцатьчетверки". Вначале появились танки Т-55 и Т-62. А ныне восхищают весь мир танки Т-72 и Т-90. Они считаются лучшими танками в мире. Взять хотя бы Т-72. На смену 125 мм гладкоствольной пушке пришло оружие 2А46М5, которое точно бьет до двух километров. Если пушка вышла из строя, ее можно заменить в полевых условиях. Появились приборы ночного видения и т.п.

На танке Т-90С установлены 125-мм пушка с особой пусковой установкой, 12,7-мм зенитный пулемет и спаренный с пушкой пулемет. На этом танке имеется комплекс оптикоэлектронного подавления "Штора". Таких установок на Западе нет.

Да, "дети" и "внуки" Кошкина не подкачали.

Я, как участник второй мировой, много раз видел, как горят танки, особенно старого образца. Горели, безусловно, и "тридцатьчетверки", но их потери несопоставимы с потерями других типов машин.

Миша Лютоев, продолжая осмотр музея дяди Пауля, особенно восхищался нашими машинами, но его интересовали и другие образцы: западные танки "Абраме", "Леопард-2", "Челленджер" и другие.

Заинтересовали юного разведчика и огнеметы, особое внимание он обратил на пистолет, где имеется патрон для импульсного карманного огнемета.

Долго он стоял у стенда, где был выставлен стратегический бомбардировщик "Боинг" В-52 (США). Впечатляли его данные: вес 180 т, скорость полета 1000 км/час, потолок – около 15000 м, бомбовая нагрузка – 35 т, радиус действия – до 6500 км (в зависимости от бомбовой нагрузки). Там же были средние бомбардировщики Великобритании "Виктор", "Вулкан" и Виккерс "Великант", имеющие скорости до 1100 км/час и потолок до 16000 м и более.

Заинтересовался он и пистолетами "Хеклер унд Кох", "Глок-19, С-1000 "Стеле", "Смим энд Вессон", "Кольт" и другими.

Высоко подняли головы и ракеты США: “Поларис”, “Тиман” и “Минитмен”.

С улыбкой на устах Михаил любовался и особыми образцами оружия: это огнестрельная авторучка, стреляющий карандаш, авторучка – кинжал, карандаш с клинком и другие. О них Михаил знал непонаслышке. И, надо сказать, владел ими виртуозно.

- Дядя Пауль, да тут же полно секретных сведений о вооружении. Как вы их достаете? – спросил Миша.

- У меня много друзей в высших эшелонах власти. Сообщают, надеясь на мою добропорядочность, – ответил полковник.

Миша был очень доволен, что побывал в этом своеобразном музее. На очередной встрече с резидентом он сообщил об этом, но тот сказал, что в нашем ГРУ все эти сведения имеются, и что докладывать об этом не имеет смысла.

- Если найдется новое, сверхсекретное и сверхновое, то другое дело, – добавил он.

Резидент похвалил его за то, что он проявляет интерес к арсеналам вооруженных сил. При этом вскользь добавил:

- Я очень рад, что ты хорошо владеешь разными видами оружия. Это для нас очень важно.

- С детства интересуюсь и люблю оружие, – сказал Михаил.

После этого Миша получил новое задание по своей работе. На этот раз надо было побывать в ГДР и навести кое-какие справки.

Не надо думать, что Миша часто посещал резидента. Наоборот, очень редко. При каждой встрече они играли в шахматы: оба посещали шахматный клуб. Это было надежным прикрытием их встреч.

Глава 17

Сегодня наш главный герой Михаил Лютоев встал в половине седьмого утра, как обычно, хотя был выходной день. Однако и в выходные он строго соблюдал свой режим дня. На зарядку и водные процедуры уходило полтора часа.

Зарядка начиналась с небольшой пробежки. За ним следовали упражнения. Комплекс упражнений был подобран оптимальный. Упражнения охватывали все части тела: руки, ноги, брюшной пресс, позвоночник, все суставы и даже глаза. Прыжки, подскоки, круговое вращение туловища, наклоны вправо, влево, вперед и назад, ходьба на носках и пятках и т.п. Подтягивание, сгибание и разгибание рук в упоре, стойка на голове, ходьба на руках – все даже трудно перечислить. В заключение бег и водные процедуры. Горячая и холодная струи сменяют друг друга. Обтирание и массаж. Бодрый и помолодевший приходил к жене, поздравлял ее с добрым утром, и начинался завтрак.

Завтрак готовили совместно. Да и этот труд был недолгим, потому что подготовить завтрак из полуфабрикатов можно очень быстро, а они из магазина покупали только полуфабрикаты.

На работу ходили вместе: Эльза работала тоже у Сименса в конструкторском отделе, чертежницей. Но сегодня выходной. Этот день они планировали заранее, но не давили друг на друга: если у кого-то была личная срочная работа, то с этим соглашались.

Сегодня они собрались посетить средневековую крепость Нойшваншмайн. Говорят, что эта крепость изумительно красивая: она парит, как белоснежная лебедь среди мрачных темных гор, о чем и говорит само название “Новый лебединый камень”.

Детей у четы Готфрид – одна дочь, да и теперь живет в Вене и совершенствует свои музыкальные знания. С детства она захотела быть пианисткой. И следует сказать, что добилась неплохих успехов, прекрасно играет и на скрипке.

Миша был не прочь заиметь и сына, но Эльза не захотела: время было тревожное – война, житейские трудности, непредсказуемое будущее.

Эльза была очень рада, что ее муж не курит. Миша рассказывал, что обоим братьям отец говорил такие слова:

- Я в жизни никогда не курил. Рекомендую вам тоже не курить. Курение – пустое вредное занятие, многие беды приносит оно человеку.
- Слова отца я запомнил на всю жизнь. И я не выкурил ни одной папироски, – сказал Миша.

Но вот наши герои уже в крепости Нойшванштайн. Белоснежные сооружения стояли молча средь мрачных гор, но они как будто говорили: вот что могут сотворить человеческие руки, когда мир и согласие. Впечатление было удивительное: еще долго перед их глазами высились эти лебединые сооружения.

Вечером, когда делились мыслями, Миша на радостях продекламировал стихи на русском, немецком, французском и английском языках. Он это делал всегда, когда бывал в хорошем настроении. Стихи на коми языке он не знал, потому что он покинул родные места, когда ему было только 10 лет. После этого же он не слышал родной речи. Я же не догадался подарить ему книги коми поэтов.

Вечером, как обычно, они пошли в ресторан (раз в неделю они всегда посещали ресторан). Бокал шампанского и кружка баварского пива действовали на них отрезвляюще: они поднимали тонус жизни. После этого казалось, что жизнь – это хорошая штука, и ее надо беречь.

После такого дня дома, в уютной квартире, обычно начинались воспоминания. Эльза рассказывала, как они жили до войны и в годы войны, а Миша вспоминал о своей деревне, которая затерялась среди вечных снегов.

На этот раз он рассказал об интереснейшей встрече с медведем:

- Однажды августовским утром мы, два брата и мать, пошли в лес за грибами и ягодами. День был чудесный. Быстро собрали две корзины черники. Грибов же было мало. И мы решили пойти в лес поглубже. Идем, балуемся с братом. Вышли на небольшую поляну и внезапно в 10 шагах увидели медведицу с двумя медвежатами. Мы окаменели, даже испугаться не успели. Мы знали, что медведица очень сердита, когда ее видят с медвежатами. Она боится, чтобы не забрали детенышей. Моя мать не закричала, а взяла корзину и высыпала ягоды на землю, а сама приговаривает: "Иди матушка, угощай своих детей, а мы еще соберем"... Медведица смотрит на нас, а мы тихонько пятимся назад.

- Когда отошли шагов на 20, увидели, как медвежата подошли к кучке ягод и начали есть.

- Испугались мы позже, когда мой брат Коля сказал: "А если бы медведица набросилась на нас, от нас бы осталось одно мокрое место"...

- Я спрашиваю свою маму, испугалась ли она медведей. Чуть не плача она отвечала так: "Я даже ничего не помню, что я делала. Конечно, я очень испугалась, но решила не показывать виду. Я знала, что звери не нападают на того, кто не боится. Знала и то, что кричать на них нельзя и сразу бежать от них тоже нельзя. Слава Богу, что все так закончилось. Это Бог нам помог"...

Вот какие встречи бывают в лесу.

Эльза стала охать и ахать и повторять:

- Я бы умерла со страху ... А у вас женщины такие смелые! Вот это настоящие герои.

А Миша добавил!

- У нас есть женщины – охотники. И на медведя ходят ...

Долго еще шел разговор об этом. И вдруг Миша воскликнул:

- Стой! Я вспомнил коми стихотворение:

“Коми му кузя ме муна,
Гӧгӧр сулалӧ сьӧд вӧр.
Вӧрыс вывті – вывті уна,
Сыысь унаыс оз тӧр” ...

Он, конечно, перевел эти стихи: “Иду я по коми земле, кругом стоит темный лес. Деревьев там так много, что больше этого не может быть (больше этого расти им негде)”.

Глава 18

Шагая по улицам Парижа, Миша Лютоев вспомнил слова А.С. Пушкина:

“Москва ... как много в этом слове

Для сердца русского слилось!

Как много в нем отозвалось!”

И подумал: “Так, наверное, думает о Париже француз, который впервые попадает в этот город. Ничего не скажешь, великолепен этот город. Обширны его площади. Чудесны дворцы. Пожалуй, можно было бы его сделать столицей мира, если бы Мир стал одним государством:”

Миша впервые в этом городе. И радостно, и тревожно на душе. Какое-то предчувствие гложет его мысли, что эта поездка будет для него не радостной.

Хотя он получил задание только от “Сименса”, все равно душа неспокойна. По линии разведки сказали только: присмотреться. Его пока щадили, чтобы привыкал к новым обязанностям.

Он подыскал ту гостиницу, которую предложили в Германии. Устроился быстро: место ему было забронировано. Номер как номер – ничего особенного: комната с широкой койкой, стол, буфет, тут же туалет. Он был доволен. Отдохнул малость.

Вдруг стук в двери. Открыл. Какой-то мужчина средних лет.

- Разрешите, – сказал он, – Евгений Гордон. – С кем имею дело?
- Мишель Готфрид, – представился Миша.
- А, немец? – как бы удивленно спросил гость.
- Да, а вы кто? – продолжил разговор Миша.
- Русский. Вот недавно прибыл. Решил пригласить вас на прогулку. Одному как-то неудобно, да и скучно.

Потом он сел в кресло и внезапно спросил:

- Вы говорите по-русски?

Миша ответил, что не знает этого языка. Ему посетитель чем-то не понравился. Может, бесцеремонностью. Может, тем, что слишком уж поворовски бегали его глаза.

- Ну, как? Вы согласны со мной прогуляться? – прервал он молчание.

Мише как-то неудобно было отказаться, и он согласился. Народу на улице было много. Рабочий день заканчивался, и все спешили быстрее попасть в свои семьи.

Вначале разговор у новых знакомых шел вяло, но когда Гордон заговорил о России, он оживился, начал быстро перечислять негативные стороны русской жизни:

- Германия ваша быстро встает на ноги, а Россия ... Там, кроме Москвы и Ленинграда, нигде не купишь килограмм колбасы. Есть такой анекдот: "Что такое: длинный, толстый, бежит, как волк, колбасой пахнет? Это электричка Москва-Тула, где в каждом вагоне 150 туляков, а у каждого туляка пудовый мешок с колбасой". А сколько анекдотов о Хрущеве? Спорят муж с женой, какое первое слово скажет их ребенок. Отец говорит: "папа", а мать говорит "мама". Ребенок же сказал "кукуруза". Отец разбушевался: "Я же говорил, чтобы ребенку горшок ставили не около радиоточки. С этой кукурузой у России хлеба не стало. Черчиль говорил: "Я думал, что умру от старости, а теперь знаю, что умру от смеха, потому что Россия, которая кормила хлебом всю Европу, теперь покупает зерно из Европы". Такие вот у нас дела ...

- Вы же русский, – прервал его Михаил. – Что же вы молчите? Так вы скоро и с голоду умирать будете. Надо же что-то делать.

- У нас говорит и решает только Политбюро, все другие лишены слова, – ответил Гордон.

Вдруг он оживился и весело пригласил Готфрида в ближайший ресторан. Но Миша отказался, сказав, что в малознакомые рестораны он не ходит.

Так они обратно вернулись в гостиницу.

Миша сходил в ресторан гостиницы, поужинал и собрался уже спать, как услышал опять стук в двери. Там стоял опять Гордон с бутылкой водки.

Он бесцеремонно вошел, поставил бутылку на стол и попросил стаканы, но Миша сказал:

- Я водку не пью.

- Неужели есть люди в цивилизованном мире, которые не пьют водку? – удивился гость. – Я этому не верю. Даже А. Солженицын, эта писательская глыба, которая чуть ли не дотянулась до вершин Льва Толстого, говорил: "Офицер должен быть смелым: перед врагом. Перед начальством. И перед водкой. Без этих трех – нет офицера". А вы, я чувствую, были военным.

- Да, я воевал в годы второй мировой, но водку не пью, – сказал Миша.

Так они разошлись, даже не раскупорив бутылку.

На утро Миша, наспех совершив зарядку и позавтракав, пошел по своим делам. Его уже ждали. Все документы были подготовлены заранее. Он за день почти справился со своими проблемами, остались лишь какие-то мелочи, которые отложили до завтра.

Придя в номер гостиницы, Готфрид заметил, что в его вещах рылись. Хотя ничего ценного не оставлял и все документы были с ним, все же было неприятно. Он, конечно, догадался, что это дело рук Гордона, нового знакомого. Миша решил поговорить с ним начистоту. Только что хотел пойти к нему, раздался стук в двери, и показалась его таинственная фигура. Поздоровались.

- Не отпирайтесь, – сказал Миша, глядя ему прямо в глаза. – Вы рылись в моих вещах. Что вам от меня нужно?

- Простите, я ошибся, – сказал вошедший. – Я виноват, каюсь. Видите ли, мне сообщили, что приезжает из Германии один богач, мультимиллионер, и я с ним хотел переговорить. Я перепутал вас с ним. У нас в Куйбышеве создается полулегальная организация, и я хотел попросить его быть нашим спонсором. Ну, вот, вышла осечка. Вряд ли теперь найду, где он поселился.

- А что, ваша организация будет действовать против советского правительства? – спросил Миша.

- Да, в какой-то степени, – ответил он.

На этом случайное знакомство закончилось.

Уже в Нюрнберге через своего резидента Миша узнал, что этот Гордон обычный уголовник. Никакой организации в Куйбышеве не было. Это блеф. Он лишь хотел за счет богатого немца поживиться.

Глава 19

Однажды ранним утром раздался телефонный звонок. Число я запомнил – это было 22 мая, день моих именин. Раньше я отмечал не день рождения, а день именин. Звонила из Москвы моя двоюродная сестра Валя. Она сообщила о своем горе. Его сын Андрей, которому только что исполнилось 18 лет, попал в автомобильную катастрофу. Переломаны были нога, обе руки, четыре ребра. Но самое страшное – повреждены были почки. Надо их заменить донорскими. А это делают только за рубежом, и для этого потребуется 20 тысяч долларов. Вот она и спрашивала, не могут ли кто-нибудь из родственников ей помочь, она в том числе имела в виду и меня.

Я задумался, перебрал всех родичей. Все живут от получки до получки. Никаких накоплений ни у кого нет. Но ... А что, если обратиться к Михаилу Лютоеву? Он, конечно, поможет. Безусловно, жалко терять такую сумму, но человека-то надо спасать.

И я звоню в Германию (номер телефона он мне сообщал). Как-то очень быстро я его нашел. И такая хорошая связь, как будто он сидит в соседней комнате.

Я очень осторожно подошел к теме разговора: а вдруг он откажет? В ответ же я услышал восторженный голос: как будто он нашел клад, а не теряет 20 тысяч долларов. Он сразу согласился, добавив, что сам же доставит валюту в Москву. Мы договорились о сроках. Я обещал к этому сроку тоже приехать в Москву.

Когда наша двоюродная сестра Валя увидела нас в Москве, она заплакала, а когда узнала, зачем мы приехали, чуть не упала в обморок. Мы, конечно, понимали, что такое для матери смерть 18-летнего сына. Фактически, он был уже обречен, а тут – свет в тоннеле, да какой свет? Это само Солнце окатило всех благостными лучами. Это был триумф!

Все остальное мы сделали очень быстро. Сходили в больницу к Андрею. Сдали валюту в Минздраве, где нам сказали, что через день-два больной будет отправлен.

Да, все хорошо, когда хорошо кончается. Андрей перенес очень сложную операцию и выздоровел. Радости было хоть отбавляй.

Позднее Андрей женился и первую свою дочь назвал Марией – в честь бабушки Марии Александровны, бриллианты которой подарили жизнь Андрею и маленькой Машеньке – его дочери. Конечно, в этой истории большую и самую светлую роль сыграл Михаил Лютоев, который хранил доллары от этих бриллиантов и использовал их на самое благородное дело.

На этом можно бы и считать историю двух бриллиантов законченной, но я так полюбил своего двоюродного брата Мишу, что не могу с ним расстаться.

Миша, Миша! Брат мой, где ты теперь? Отзовись! ...

А наш Миша в это время собрался в очередную командировку. Едут в Турцию, где тоже имеется предприятие “Сименса” по изготовлению электромоторов. Никто, наверно, еще не подсчитал, сколько их на свете. В моей квартире их 12: в электробритвах, холодильниках, пылесосах, в швейной машине, в фонарике-жужжалке. В мире их, наверно, сотни миллионов. И большую часть, очень большую, изготовляют и на предприятиях “Сименса”. А их размеры? От наперстка до гиганта, который весит десятки тонн. Миша говорит, что работать на этих предприятиях очень интересно.

На этот раз Миша со своим напарником поехал в Стамбул. Михаил очень любил море, и он с большой радостью едет туда. Особенно тянет его Средиземное море, чистое и прозрачное. Нравится ему бродить и по турецким базарам. Ему казалось, что все 50-миллионное население страны вышло на базары. И пестрая толпа базаров до того забавна, что хочется смеяться и смеяться. А какие там мастера по золоту, по камню, по тканям, по коврам: мастерству человека нет предела!

Вот и Стамбул. Их устроили в хорошей гостинице. А погода изумительная! Так и тянет к морю. Но вначале дело и только дело. Сразу же пошли на предприятие.

За два дня с делами управились. Подписали документы. А теперь можно и расслабиться. К морю, к морю!..

Если бы они знали, что ждет их впереди!? Но они были глухи к тревожным предчувствиям: море и тут сыграло свою страшную шутку!

На пляже людей видимо-невидимо, но наши туристы нашли себе место. А тут подошел небольшой катер, и миловидная девушка приглашает прокатиться по Средиземному морю. Миша с приятелем, захватив одежду, бегом туда. Правда, было подозрительно, что, кроме них, никто на катер не взошел, но на это не обратили внимания. Рулевой дал газу, и катер стал таранить голубые волны.

Катер мчался все время вперед и вперед. Миша заволновался и попросил девушку возвращаться назад. А тут, откуда ни возьмись, появились на палубе трое вооруженных до зубов моряков. Наши туристы переглянулись: дело запахло керосином.

Через несколько минут катер завернул за мыс и вошел в небольшую бухту.

Пленникам приказали выйти из катера. Оттуда же вынесли приспособления для подводного плавания. Одели эти приспособления и вошли в море. В глубине вошли в какую-то дыру, а потом всплыли. Попали в какую-то пещеру.

Бандиты объявили Мишу и его товарища заложниками и установили выкуп в размере 50 тысяч долларов. Попросили адрес, куда выслать письмо с этим требованием. Миша сообщил адрес предприятия "Сименса" в Стамбуле. После этого трое ушли этим же путем, как и попали сюда, а двоих оставили охранять заложников. Михаил терялся в догадках, как называть своих захватчиков: пиратами, бандитами или еще как-нибудь.

Скоро пришельцы притащили откуда-то припасы. Все вместе поели. После этого пленников завели в маленькое помещение, вроде чулана из досок, и заперли. Там было темно. В пещеру же свет попадал сверху через небольшое отверстие.

Между тем события разворачивались таким образом. Бандиты занесли пакет на предприятие "Сименса", где было сказано, что Мишель Готфрид и Пауль Шик взяты в заложники. Предприятие обязано в течение 5 дней выплатить 50 тысяч долларов. Далее указано, куда доставить эту сумму. В конце было указано, что полицию не следует тревожить, иначе они не гарантируют жизнь заложникам.

Вся контора предприятия забурлила. Такого случая здесь еще не было. Сразу же позвонили в Германию. Оттуда предложили включить в поиски и полицию. Сообщили, что из Германии немедленно вылетают трое компетентных людей.

Полиция направила в "Сименс" целую бригаду. В конторе нашлись люди, видевшие, на какой пляж пошли немцы. На пляже нашлись отдыхающие, которые видели и наблюдали, как двое садились на катер.

Два катера – с полицией и пограничниками – двинулись туда, куда показали очевидцы. Однако никакие следы катера они не обнаружили, хотя до темноты обшарили всю ближайшую береговую полосу. Но решили оставить у мыса один из катеров в засаде.

Как и следовало ожидать, после полуночи услышали шум приближающегося катера, который шел без огней. Катер приблизился к тому месту, где стоял в засаде полицейский катер. Мощный прожектор стражей порядка осветил подошедший катер. Но тот быстро стал удаляться. Открыли огонь. Когда догнали катер, там оказалось трое бандитов, один из них был убит, двое – ранены.

Раненных отвезли в госпиталь. Поставили охрану. Предварительный допрос не дал никаких результатов. Бандиты, ссылаясь на ранение, отказались отвечать.

На другое утро прилетели трое немцев, которые приехали для участия в поисках. Поиски решили продолжить в тех же местах, где искали вчера. Об этом же подсказал и ночной катер пиратов. Не зря он сюда прибыл. Значит, есть какое-то секретное убежище. Но где оно? Вот это и следует найти.

Наши пленники провели беспокойную ночь. Мише не спалось. Кажется, за эту ночь он вторично пережил все невзгоды, которые свалились на него. А их было более чем достаточно. Пожалуй, хватило бы на десяток людей, которые безмятежно прожили свои долгие годы.

На детстве он почти не остановился: оно было обычным, никаких лишений особых он не испытал. Его мысли споткнулись в тот весенний день, когда к их дому подошли не менее десяти человек из колхозного, сельского и районного начальства. Да зевак было человек 20-30. Объявили, что они раскулачены, а их дом со всеми пожитками переходит колхозу. Домочадцы могут одеть любую одежду, но только одну смену, и выметаться из дома. Жалко было деда: он суетился, плакал, не знал, что одеть и жалостно смотрел на своего сына. Тот был крепким мужиком, но не мог же он перебить всю эту "десятку", из которых трое были даже с наганами. Так все они оказались в бане.

Вспомнил, как два брата входили ночью в свой запертый дом и из "тайников" вытащили серебряные рубли и полтинники, ножи, саблю и другое детское оружие. Все это перенесли в другой "тайник", который оборудовали на крутом берегу реки Вычегды.

Через недельку их отца отправили на принудительные работы – на сплав леса. Скоро там где-то и погиб он, а, может, и убили его. Кулаков тогда за людей не считали, их считали "врагами народа", хотя эти "враги народа" кормили полстраны. Недаром в начале тридцатых годов наступил голод. Была введена карточная система.

После смерти отца была одна дорога – бежать, куда глаза глядят. И им удалось с помощью гамского дяди Вани достать документы и тайно бежать. Вначале на пароходе, а потом пять суток тряслись в вагоне. Ехали в места, которое называлось страшным словом "Сибирь". Оказалось же, что там живут такие же люди. Жили по деревням. Вначале было худо, а потом попали к коми крестьянину, который еще до революции переселился от нас туда. У него жили хорошо. Он был рад, что можно было разговаривать с нами по коми. Он очень полюбил нашу маму, которая умела по хозяйству делать все. И работала она 24 часа в сутки, потому что никто не знал, когда она спала. Ночью и днем ее видели только на работе.

Два брата там учились в школе, а после занятий помогали матери по хозяйству. Хозяин их не обижал, кормил тем же, что и ел сам. Конечно, они никому не говорили, что они кулаки. Это была у них семейная тайна.

Через несколько лет они узнали, что тетя Клава, сестра матери, работает врачом-хирургом в Башкирии. Скоро они получили письмо с приглашением и узнали, что она живет в пос. Тирляны Белорецкого района.

И все семейство переехало туда. У тети Клавы был свой дом, жила одна: муж ее умер. Вот здесь они зажили по-настоящему. Здесь два брата окончили среднюю школу, здесь же Миша изучил три иностранных языка, не считая башкирский, – немецкий, английский и французский. Изучил легко, потому что в школе изучали все эти три языка.

Надо пару слов сказать о Тирлянах. Это старинный поселок, в котором еще при Петре Великом был построен металлургический завод. Здесь в основном жили русские казаки, башкир было мало. Завод славился тем, что выпускал высококачественную сталь. Рядом с Тирлянами отроги Уральских гор. Два брата Исаковых (они поменяли свои фамилии, когда бежали из коми области) очень полюбили эти горы. После занятий они бродили по горам. Нашли даже там тайник – это вроде пещеры. Там они оборудовали из старых досок и выброшенной мебели убежище. Сделали даже двери, и убежище, которое они назвали “Старая Лютоевка”, стало для них штаб-квартирой. Особенно Коля любил все обставлять таинственно. В свое убежище они даже стали пускать местных пацанов. Они их называли атаманами.

И тут началась война, которая разъединила братьев: Колю призвали раньше. Он попал на Ленинградский фронт. От него получили только одно письмо. Писал, что отступают, что видны уже шпили ленинградских церквей и крепостей. И только спустя несколько месяцев сообщили, что погиб. Тетю Клаву тоже мобилизовали на фронт, и всю войну она работала полевым хирургом.

Миша не любил вспоминать свои военные годы и плен. Он был согласен со Сталиным, что плен – это позор, но он не соглашался с ним в том, что плен – это предательство. Может быть, на сотню пленных и был один предатель, но все остальные – это патриоты Родины, и в плен попали только потому, что иного пути не было. Кто был на фронте, тот знает, что это именно так. И миллионы советских пленных погибли лишь потому, что их предал их же вождь, их главнокомандующий ...

Миша почти всю ночь не спал, но утром чувствовал себя отдохнувшим. Это, наверно, потому, что он предчувствовал: весь этот сыр-бор окончится для него благополучно. Откуда родилось такое настроение, он не знал, но остро чувствовал, что выпутаются из беды. Конечно, главное – он надеялся на себя. Он был уверен, что с двумя бандитами он справится. Правда, оружия не было, лишь вмонтированный в белье очень секретный небольшой нож, где были два предмета – очень острый ножичек и пилка для резки металла.

Утром их чулан открыли. Им принесли завтрак. Миша чувствовал, что бандиты очень нервничают. Он еще в прошлом году начал изучать турецкий язык. Грамматику он изучил, но устную речь воспринимал с трудом. Однако из слов охранников он понял, что они еще ночью ждали своих товарищей. Значит, что-то случилось. Миша, конечно, не подал виду, что кое-что понимает из их реплик.

Начался второй день плена. Миша более детально стал знакомиться со своим логовом. Там было сооружено более удобное помещение для охранников. Оттуда выносили и продукты питания. Там же, наверное, и приспособления для подводного плавания. Видать, только через море можно выйти отсюда, т.е. без подводных приспособлений отсюда не выйти. Он, конечно, мог пришибить часового, когда тот приносил еду, а потом, вооружившись его пистолетом, застрелить второго, но что там, когда они выйдут отсюда. Там они могут попасть под пули. Это удерживало его. И пока он решил ждать.

День подходил к концу, а сообщений никаких. Под вечер он уже прицелился в своего охранника, который принес ужин, но в последнюю минуту передумал. Решил все это отложить до утра.

Вторую ночь Михаил спал спокойнее: видать усталость одолела все тревожные мысли. Его товарищ тоже спал спокойно. Утром Миша решил: была не была, больше ждать нельзя. На другое утро бандиты волновались еще больше. Они начали громко спорить. Миша понял, что один из них предлагает выйти отсюда, а другой с этим не соглашается.

Когда охранник подошел к ним с завтраком, Миша поразил его одним ударом. Удар был надежным и отработанным. Оружие он захватил уже в момент падения противника. Второй бандит в это время стоял к ним спиной, и Мише ничего не стоило застрелить его. Вначале он хотел не убивать его, но в последнюю минуту в его голове застряла поговорка старых разведчиков: только убитый противник молчит и не стреляет.

Первого они хорошо связали и заперли в чулан, а бандитская карьера второго закончилась ... Его оружие изъяли.

Быстро облачились в одежду для подводного плавания и окунулись в море. Лаз они нашли легко и выплыли на той стороне пещеры. Никого! Мертвая тишина. Однако заметили, что вдали маячит какой-то катер. На всякий случай подыскали укромное место и начали ждать. Катер приближался к ним. Смотрят: по борту надпись "Полиция", а один из пассажиров катера похож на сослуживца из конторы "Сименса". Тогда наши друзья во весь голос закричали: "Свои! ..."

Катер пристал к берегу. Мишель Готфрид рассказал об их злоключениях. Потом они посетили пещеру, откуда вывели живого бандита, вытащили труп, который сдали в морг.

Так закончилось это опасное приключение.

В Германии, на предприятии и дома, Мише пришлось десятки раз пересказывать это путешествие. Все удивлялись смелости и находчивости Мишеля Готфрида. А товарищ по несчастью всем семейством посетил на дому Михаила. Они благодарили Мишу за то, что спас жизнь своего напарника.

Появилась даже статья в газете, где Мишель Готфрид предстал перед всеми, как герой дня, как истинный товарищ и отважный человек. Конечно, журналист немножко перехвалил Мишу, и ему было как-то неудобно, но приятно. Особенно красочно описана сцена, где Михаил расправился с двумя бандитами. Одним словом, Мишель Готфрид стал национальным героем. А его скромность оценили тоже, как истинное, непререкаемое качество воина. На своем предприятии же он стал чуть ли не самым выдающимся человеком. Все с ним здоровались, знакомые и незнакомые, говорили слова благодарности и желали всяческих благ.

Однако Миша не возомнил себя выдающимся человеком. Он знал себе цену и вел себя так же, как будто ничего не случилось, как будто и не было этих семи дней, за которые он вырос в глазах людей неузнаваемо.

Потекли обычные трудовые будни. Миша не забывал о своих прямых обязанностях у "Сименса". Не забывал и о своей новой работе на благо Родины. В этих целях он не раз побывал в Англии, во Франции, в США. Потом зачастил в Чехословакию, где развертывались события, беспокоившие руководство Советского Союза. Все задания он выполнял точно и к сроку. Ему везло, однако и было боязно оттого, что когда Фортуна слишком балует, падение бывает особенно жестким. И он был очень осторожен и никогда не надеялся на русское "авось".

В последний раз мы с Мишей встретились в 1982 году. Он приезжал в Москву и Сыктывкар. Вот когда мы с ним поговорили по душам! Я собирался на пенсию (мне было уже 67 лет), да и он поговаривал об этом. Наши беседы были длинными и увлекательными. Я рассказывал ему о прелестях учительской работы, о незабываемых фронтовых дорогах, о своих братьях и других родственниках, о жизни в нашей глуши.

Рассказы Миши были, конечно, более интересными: ведь он объехал почти весь мир, встречался с различными людьми, знал, "как делают деньги", как богатеют отдельные ловкачи. Мне запомнились особенно те приключения, о которых раньше мне он не рассказывал. Послушаем его рассказы:

- Я еще тебе об этом не рассказывал. Получил я 7 лет лагерей, меня отправили в вагоне – "тюрьме" на Север. Я сразу же ощутил "прелести" этой поездки. Мы заняли там свои места. Слышу голос из соседних нар: "Эй ты, паршивая овца! Глухой что ли? Не чувствуешь что ли, что я писать хочу?

Парашу ко мне!.. Я почувствовал, что рядом со мной какая-то важная персона, может, даже “вор в законе”. Молчу: не хочу терять свое достоинство. И снова голос: “Кто ты такой? Тебе же был отдан приказ, а приказы выполняются сразу, иначе от тебя даже мокрого места не останется”... Не знаю, что бы было дальше, если бы не голос из соседнего ряда: “Васек, уймись! Мы еще не знаем, кто это такой. Пусть исповедуется. Тогда все просветлеет”. Мне предложили рассказать свою биографию. Когда узнали, что я воевал, был в плену, отношение ко мне сразу изменилось. Попросили рассказать о немецких концлагерях и о том, как выживали там русские солдаты. Рассказал и о том, за что попал сюда. После этого унизительных приказов я уже не получал. Работал наравне со всеми по поддержанию чистоты в вагоне.

Вначале я попал в Чинья-Ворык. Вот где я узнал, что такое лагерная жизнь. Меня за что-то невзлюбил староста барака. Все тяжелые работы, самые унизительные обязанности возлагал на меня. Долго я не привыкал к этой “параше”: как подходил к ней, начинало рвать. Да, лагерная жизнь – не мед.

Однако мне всегда везло на добрых людей. Встретил я там человека, который занимал должность вроде “воспитателя”. У нас же везде рассказывали сказки о том, что тюрьмы и лагеря перевоспитывают человека. Конечно, это сказка: вся жизнь в тюрьмах и лагерях, я думаю, за небольшим исключением, преследует одну цель – убить в человеке добрые человеческие качества. Безусловно, и из тюрем выходили настоящие люди, но это исключение. Так вот, этот “воспитатель”, коми по национальности, знал моего отца и был о нем высокого мнения. Когда же я ему рассказал о себе, то он мне дал слово, что переведет меня отсюда в Княжпогост, где есть лагерное учреждение, которое отличается от других добрыми нравами и делами.

И он сдержал свое слово, за что до сих пор вспоминаю его добрым словом и молюсь за него, чтобы Бог помогал ему во всем.

Я в Княжпогосте, в этом “добром” лагере. Здесь, как ты знаешь, пробыл я не особо долго. Я уже говорил, что мне всегда везло на добрых людей. Как я оттуда вырвался, ты знаешь. Однако об одной истории я тебе расскажу.

Подружился я в лагере с Мишей Колчановым, он был откуда-то из Воронежа. Осужден он был на 10 лет за убийство, хотя никого не убивал. Хотя в лагере все считают себя невинно осужденными, но он был действительно осужден без вины. Он был по специальности слесарь-наладчик, но в одно время даже преподавал в школе труд. Одним словом, был учителем. И вот он задумал побег. Я его отговаривал, но он ни в какую не соглашался со мной. Он хотел расквитаться с теми, которые помогли ему очутиться здесь. Я даже начал обучать его коми языку, говоря, что это может

пригодиться. Он охотно и успешно осиливал нашу речь. Колчанов был на хорошем счету, работал хорошо, поэтому побег мог совершить без особого труда. Он хотел убежать и месяц-два отсидеться, за это время сбросить лагерный лоск, а потом двинуться дальше, раздобыв документы. Кое-какие деньги у него были, да я еще ему подбросил свои. Я, конечно, начертил ему трассу побега и предложил отсидеться у охотника в лесу в его избушке.

Кажется, все шло удачно. Слесарь-наладчик имел свободный пропуск, потому что лесовозные машины приходилось ремонтировать и в пути. Его побег не заметили. Он попал в село Шошка, где купил лыжи и просил показать дорогу к лесной охотничьей избушке. О себе он сказал, что убежал от жены, с которой стало жить невозможно, и просил о нем никому не рассказывать. Ему поверили, потому что он умел даже говорить по коми.

Он двинулся в сторону Удорского района и нашел у небольшой речки охотничью избушку. Коми охотник жил там же и охотно приютил пришельца. Они подружились. У охотника было два ружья, и одним из них дал пользоваться своему новому товарищу. Колчанов оказался хорошим учеником, быстро освоил новые обязанности и охотничьи секреты.

Охота шла удачно. Продукты питания, такие, как сухари, сахар, чай, сушеная рыба, были запасены на весь сезон. Но охотник реденько выходил в село, чтобы кое-что накупить, особенно горючее. Тогда Миша Колчанов просил его о нем ничего не рассказывать. Месяц прошел незаметно. В лагере же, конечно, о нем не забыли, а поиски прекратили. Новый охотник на свежем живительном воздухе возмужал, отъелся, благо свежатины было столько, что некуда ее девать.

Недаром в народе повторяют поговорку: “Сколько бы веревочке ни виться, а конец придет”; кажется, так она кончается. В охотничью избушку приехал еще один человек, дальний родственник охотника. Он захотел поправить здоровье в тайге, а заодно и заиметь добычу. Безусловно, стало тесновато в избушке, но, как говорится, в тесноте, да не в обиде. Больше, чем в прошлые дни, они не добывали, но жили веселее. Появились даже карты, которые принес новый гость.

Когда тот собрался уезжать, Миша решил попытать счастья и обратиться к нему с просьбой достать для него паспорт, потому что тот говорил, что имеет знакомство с работниками милиции. Однако через неделю вместо паспорта нагрянула в избушку милиция. Мишу арестовали и сдали в лагерь. Хотя он не сопротивлялся, но конвойные его крепко избили. Вспомнили, что из-за него они лишились премиальных. Синяки – это пустяки, а вот у Колчанова отбили почки и печень. Без этих органов человек – не жилец. Его поместили в больницу, но поправится ли, ответить трудно.

Тот же подлец и деньги у Миши присвоил. Я всегда говорю, что добрых людей больше, а иногда, когда встречаю таких подлецов,

сомневаюсь, может, предателей, преступников, таких вот подлецов больше, чем хороших. Как ты думаешь?..

Вот такую историю поведал мне мой двоюродный брат. Печальная, конечно. Мы помолчали, каждый думал о своем. Я тоже порылся в своей голове. В моей жизни таких случаев, пожалуй, не было, но нечестные люди встречались и со мной. Мне хотелось спросить брата, какие успехи у него по секретной службе. Но стеснялся, как-то неудобно было. Неудобно было потому еще, а вдруг кто-нибудь услышит об этом, и мой брат может пострадать. От одной этой мысли у меня темнело в глазах. Я Мишу очень любил и оберегал, чтобы ему не навредить.

- Я, безусловно, знаю, – снова начал Миша, – что тебе хочется знать, стал ли я Рихардом Зорге, и как идут мои дела на этом поприще. Скажу, мною довольны. Очень много я узнал о чехословацких делах. Да и в самой Германии я сумел помочь в решении многих проблем. Стал понимать, что я нужен для своей страны. А недавно я поймал за крючок одного окуня. Очень ценный для нас человек. Думаю, что большую пользу он принесет нашей разведке. Конечно, я еще не Рихард Зорге, но им я горжусь, он для меня пример, образец служения Родине. Конечно, его можно было спасти, но Сталин рассуждал иначе: раз попался, значит, виноват сам, а он умывает руки ...

Еще долго мы, два брата, беседовали, вспомнили всех наших родных, особенно моего отца и братьев, которые с первых дней войны были на передовой, которым досталась горькая чаша. Самое же удивительное – все вышли из войны живыми. Мой старший брат Василий так говорил об этом:

- Мы очень счастливые, что на войне все остались живыми. Это великое счастье. А почему это так случилось? Помните, что говорил наш отец, который тоже воевал в годы первой мировой войны, об этом: "На войне погибнуть очень легко и быстро, а вот остаться живым – очень мудреная штука, ее даже можно назвать искусством"... Значит, нам не только повезло, но в этом большая заслуга и самих братьев: они были умными солдатами.

Отпечатано в типографии ГУ ЦАС
Администрации Главы РК.
Лицензия ПЛД № 19-43. Тираж 50 экз.